

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Языковые особенности конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна “Яма”»

Студент

Я.Ю. Карабельская

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

кандидат педагогических наук, доцент, М.Г. Соколова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Проблема изучения конфликтной коммуникации в современной лингвистике	10
1.1 Понятие речевого конфликта. Типология речевых конфликтов ...	10
1.2 Способы конфликтного взаимодействия и языковые средства их репрезентации	20
1.3 Экспрессивные диминутивы как репрезентанты речевых конфликтов	28
Глава 2 Характеристика языковых особенностей конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма»	42
2.1 Особенности отражения речевых конфликтов и их типологические разновидности в повести А.И. Куприна «Яма».....	42
2.2 Лексико-семантические и грамматические особенности конфликтных диалогов различных типологических разновидностей в повести А.И. Куприна «Яма»	53
2.3 Экспрессивные диминутивы в повести А.И. Куприна «Яма» в аспекте репрезентации речевого конфликта	59
Заключение	68
Список используемой литературы и используемых источников	71

Введение

Разрабатываемая магистерская диссертация посвящена проблеме изучения языковых особенностей конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма».

Актуальность исследования обусловлена увеличением конфликтных ситуаций речевого взаимодействия в реалиях общественно-политической и экономической нестабильности современного мира, необходимостью изучения и выявления структуры и лингвистических особенностей речевого конфликта, а также выяснения путей его преодоления и профилактики.

К исследованию речевого конфликта и конфликтного текста неоднократно обращались отечественные и зарубежные ученые. Среди работ, посвященных данной проблеме, можно выделить труды О.Н. Завьяловой, Н.А. Белоус и Н.В. Осколковой, Л. Козера В.С. Третьяковой, П. Серио, М.Н. Богомоловой, Ю.В. Щербининой, Т.А. Воронцовой, О.М. Казарцевой, Л.П. Крысина и другие. Вопросам экспертного анализа спорного текста посвящены работы А.Н. Баранова, Н.Д. Голева, И.Т. Вепревой, Н.А. Купиной, О.А. Михайловой и другие. Между тем на данный момент существует необходимость дальнейшего изучения языковых актуализаторов конфликтных диалогов.

Объект исследования – тексты конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма».

Предмет исследования – языковые репрезентанты конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма».

Цель исследования – выявить лексико-семантические, грамматические особенности конфликтных диалогов различных типов повести А.И. Куприна «Яма».

Гипотеза исследования состоит в том, что выявление особенностей языковой репрезентации конфликтных диалогов в художественном тексте с

учетом типологических разновидностей конфликта позволит глубже понять лингвистические механизмы личностных и социально-психологических конфликтов, выработать способы регулирования и профилактики возникновения конфликтных ситуаций в обществе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть различные научные подходы к определению базовых понятий исследования «речевой конфликт», «конфликтный текст».

2. Определить структурные компоненты и типологические разновидности речевого конфликта с позиций лингвоконфликтологии.

3. Сделать выборку текстовых фрагментов, содержащих конфликтные диалоги персонажей повести А.И. Куприна «Яма».

4. Классифицировать лексико-семантические и грамматические средства репрезентации конфликтных диалогов с учетом их типологической разновидности.

5. Обобщить результаты исследования и сделать выводы о языковых особенностях конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма».

В работе использовались следующие **методы исследования**:

1) общенаучные методы анализа и синтеза, с помощью которых был собран и обобщен теоретический материал и сделаны выводы по проблеме исследования; 2) лингвистические методы: метод сплошной выборки, описательный метод, включающий анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также интерпретацию языкового материала.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные труды в области лингвоконфликтологии и речевой агрессии («Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления» Ю.В. Щербининой [Щербинина 2004], «Проблемы развития психики» Л.С. Выготского [Выготский 1982], «Речевая агрессия» О.Н. Завьяловой [Завьялова 2003]); теории дискурса (Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса)

П. Серио [Серио 1999], «Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты» Н.А. Белоус [Белоус 2008], «Конфликтный дискурс vs конфликтный текст» Н.А. Белоус, Н.В. Осколковой [Белоус, Осколкова 2007], экспертного анализа спорного текста (««Конфликтный», «конфликтогенный» и «спорный» текст: к проблеме дефиниции и соотнесённости понятий» О.А. Ульман [Ульман 2016]).

Материалом для исследования послужили фрагменты из повести А.И. Куприна, содержащие конфликтные диалоги персонажей. Обращение к тексту повести обусловлено тем, что данное произведение состоит из множества коллизий, а конфликтная коммуникация становится его основой. Общее количество отобранных и проанализированных текстовых фрагментов – 100 единиц.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- предпринята попытка рассмотреть структурно-семантические и грамматические особенности конфликтных диалогов в художественной коммуникации с учетом типологических разновидностей конфликта;
- впервые выявлен конфликтный потенциал экспрессивных диминутивов в повести А.И. Куприна «Яма».

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

- уточняется соотношение смежных понятий «речевой конфликт», «конфликтный текст», «конфликтный дискурс» с позиций лингвоконфликтологии и теории дискурса;
- углубляется существующая классификация языковых репрезентантов конфликтных диалогов, которая может быть использована в практике лингвистической экспертизы.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы на семинарских и лекционных занятиях по функциональной стилистике, риторике, теории

речевого воздействия, лингвокриминалистике. Основные положения исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблемы изучения конфликтных текстов.

Личное участие автора в организации и проведении исследования состоит в отборе текстовых фрагментов, содержащих конфликтные диалоги персонажей повести А.И. Куприна «Яма»; в выявлении типологических разновидностей конфликтных диалогов в данной повести; классификации грамматических и лексико-семантических средств репрезентации конфликтных диалогов; в обобщении полученных результатов.

Апробация результатов работы велась в течение всего исследования. Его результаты докладывались на следующих конференциях:

– IV Международная молодежная научно-практическая конференция «Русская речемыслительная культура: проблемы эффективности коммуникации», проводимая в рамках III Международной недели русского языка в Сочинском государственном университете, 26 ноября 2018 г.;

– Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество», Тольяттинский государственный университет, 5 декабря 2018 г.;

– Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество», Тольяттинский государственный университет, 5 декабря 2019 г.;

– «Студенческие дни науки в ТГУ», Тольяттинский государственный университет, 17 апреля 2020 г.

На защиту выносятся:

1. Конфликтный диалог представляет собой вербально оформленное столкновение интересов участников конфликтной коммуникации, предполагающей отрицательное воздействие и несовместимость их точек зрения, потребностей и целей. В конфликтном взаимодействии участники

вызывают негативную реакцию, выражающуюся в ответных речевых действиях.

2. Наиболее значимыми репрезентантами негативной реакции, определяющей конфликтный характер диалога, являются тематические группы лексических единиц бранной и стилистически-сниженной окраски, посредством которых реализуется дискредитация и оскорбление личности.

3. Существенную роль в репрезентации конфликтного потенциала диалогов играют грамматические средства: оппозиция личных местоимений; инфинитивы, краткие прилагательные, наречия, глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие функцию волеизъявления; глаголы деструктивной семантики; риторические восклицания; междометия и частицы, экспрессивные диминутивы.

4. Конфликтная коммуникация в произведении А.И. Куприна выступает важным приемом речевой характеристики персонажей, выражением различных аспектов их социальной жизни, изолированной от внешнего мира, полной отчуждения от других, морального и интеллектуального измельчания.

Структура магистерской диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы (82 источника). Объем магистерской диссертации составляет 80 страниц. Основной текст работы изложен на 57 страницах.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект, предмет, цель, выдвигается гипотеза и формулируются задачи работы, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

В первой главе «Проблема изучения конфликтной коммуникации в современной лингвистике» раскрывается понятие речевого конфликта, его типология с позиции лингвоконфликтологии; выявляются способы конфликтного взаимодействия и языковые средства их репрезентации;

характеризуются экспрессивные диминутивы как репрезентанты речевых конфликтов.

Во второй главе «Характеристика языковых особенностей конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма»» рассматриваются особенности отражения речевых конфликтов и их типологические разновидности в данной повести; систематизируются лексико-семантические и грамматические особенности конфликтных диалогов различных типологических разновидностей в повести А.И. Куприна.

В заключении представлены основные результаты поставленных задач исследования и сделаны следующие выводы:

1. Среди всех видов речевых конфликтов, представленных в повести А.И. Куприна «Яма», наиболее частотным является социально-психологический, поскольку общественные нравственные и социально-философские проблемы автор считает особенно важными.

2. Основными средствами репрезентации речевых конфликтов является дискредитация в глазах общественности и инвектива посредством использования метафорических определений и сравнений оппонента с объектами вещного мира, зоосемантических метафор, лексических единиц бранной и стилистически-сниженной окраски, обозначающих лиц.

3. Интенсивность вербальной агрессии находится в корреляционной зависимости от особенностей типа языковой личности, которую представляют персонажи повести – участники конфликтной коммуникации.

Основные результаты исследования представлены в следующих публикациях:

1. Карабельская Я.Ю. Диминутивные существительные в повести А.И. Куприна «Яма» // Сборник материалов IV Международной молодежной научно-практической конференции «Русская речемыслительная культура: проблемы эффективности коммуникации», 26 ноября – 1 декабря 2018г. Сочи: СГУ, 2018. 395 с.

2. Карабельская Я.Ю. Особенности функционирования существительных-диминутивов в произведении А.И. Куприна «Яма» // Сборник материалов «Молодежь. Наука. Общество» : Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 5 декабря 2018 года) : электронный сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2018. С. 322–325.
3. Карабельская Я.Ю. Состав, семантика и словообразование диминутивных существительных в повести А.И. Куприна «Яма» // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция (Тольятти, 2–27 апреля 2018 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2018. С. 450–452.
4. Карабельская Я.Ю. Языковые средства выражения речевого конфликта (на материале повести А.И. Куприна «Яма») // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: VI международная научная конференция: сб. материалов / под ред. Г.Н. Тараносовой, И.А. Измestьевой. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2019. С. 392–395.
5. Карабельская Я.Ю. Языковые особенности произвольных, отчасти намеренных и намеренных конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма» // Сборник материалов «Молодежь. Наука. Общество» : Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 5 декабря 2019 года) : электронный сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2019. С. 333–335.
6. Карабельская Я.Ю. Проблема соотношения понятий «речевой конфликт», «конфликтный дискурс» и «конфликтный текст» // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция (Тольятти, 20–27 апреля 2020 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2020. (в печати).

Глава 1 Проблема изучения конфликтной коммуникации в современной лингвистике

1.1 Понятие речевого конфликта. Типологии речевых конфликтов

В реалиях современного мира большое распространение получает конфликтная коммуникация. В связи с этим актуальными становятся исследования, направленные на выявление структуры и лингвистических особенностей речевого конфликта, а также путей его преодоления. Среди работ, посвященных данной проблеме, можно выделить труды О.Н. Завьяловой [Завьялова 2003], А.А. Кузнецовой [Кузнецова 2014], Л. Козера [Козер 2000], В.С. Третьяковой [Третьякова 2000], Н.А. Белоус, Н.В. Осколковой [Белоус, Осколкова 2007], Л.А. Сомовой [Сомова 2015], А.В. Щербакова [Щербаков 2014], Ю.В. Щербининой [Щербинина 2004], М.Н. Богомоловой [Богомолова 2012], А.Г. Здравомыслова [Здравомыслов: электронный ресурс] и другие.

Речевой конфликт выступает маркером, который обозначает негативное поле речевого взаимодействия и является объектом изучения лингвоконфликтологии, юрислингвистики, социальной психологии, психолингвистики, философии и других наук [Голев, Обелюнас 2014].

Речевой конфликт является результатом неудачной (конфликтной) коммуникации, а также определяется противоречивой сущностью языка и речи, которая проявляется в расхождении точек зрения коммуникантов, плюральном интерпретировании высказываний и речевых конфликтах [Голев, Обелюнас 2014].

Под конфликтной коммуникацией понимается «процесс межличностного взаимодействия, носящий характер столкновения, при котором конфликтующими сторонами используются вербальные и

невербальные средства для выражения своей позиции» [Исмурзинова: электронный ресурс].

Речевой конфликт – это специфическая речевая ситуация, предполагающая столкновение интересов и точек зрения коммуникантов, в ходе которой они, как правило, отрицательно воздействуют друг на друга посредством речевых действий, выраженных негативными средствами языка и речи. Данная речевая ситуация предполагает, что модель поведения адресанта вызывает у адресата – слушающего – негативную реакцию, направленную на собеседника и выражающуюся в ответных речевых действиях, которые передают отношение к собеседнику и/или предмету речи [Третьякова: электронный ресурс].

А.А. Кузнецова определяет коммуникативный конфликт как острое открытое противоречие во взаимодействии двух и более участников речевой ситуации [Кузнецова 2014]. Причинами возникновения коммуникативного конфликта являются разногласие точек зрения, намерений, интересов и активные сознательные речевые действия одного из участников, причиняющие вред (моральный, психологический) другому участнику, который в свою очередь может также применять ответное вербальное воздействие, наносящее ущерб оппоненту [Третьякова 2000].

Отметим, что конфликт основывается на коммуникативном контакте, конфликт не состоится, если действует только один коммуникант или противоположность мнений и точек зрения не получает выражения в действительности [Третьякова 2000].

Основой любого, в том числе и речевого конфликта, является существование противоречий, обусловленных несовместимостью потребностей, целей, интересов участников коммуникативного события.

Предметом конфликта выступает проблема, которая и послужила причиной возникновения разногласий между коммуникантами, объектом конфликта выступает конкретная причина. Объектами конфликта часто

бывают религиозные, социальные, статусные, материальные, духовные, субъективные, объективные ценности. Объект конфликта может отсутствовать и вовсе. Такой конфликт называют безобъектным. Выделяют три типа объектов конфликта [Язык и конфликт 2019: 11]:

- объекты, которые могут разделяться в различном соотношении между участниками конфликтной коммуникации, – должности депутатов в парламенте;

- объекты, которыми участники конфликтной коммуникации могут владеть коллективно, – совместные региональные/федеральные программы ;

- объекты, которые не разделяются между участниками конфликтной коммуникации, например, пост президента страны.

Отметим, что объект конфликта всегда полностью удовлетворяет только одну сторону, участвующую в конфликте, и представлен в лимитированном количестве или качестве, поэтому манипулирование объектом конфликта существенно влияет на положение противодействующих сторон, что может принести значительную выгоду одной и скомпрометировать другую.

Субъектами конфликта являются коммуниканты, которые создают конфликт, принимают в нем активное участие и, в зависимости от своих интересов, оказывают влияние на ход развития конфликтной коммуникации в целом. Участники конфликта могут быть вовлечены в конфликтную ситуацию против своей воли или принимать участие неосознанно, случайно. В конфликтной коммуникации часто может происходить смена ролей субъектов и участников [Язык и конфликт 2019].

Объективными элементами конфликта являются окружающая среда, действующие лица и сам объект конфликта – эти элементы не зависят от личностных качеств, сознания и воли коммуникантов.

Выделяют следующие типы конфликтов:

- по виду развития: преднамеренные и непреднамеренные;

- по виду социальной направленности конфликта: внутрисистемные, внесистемные;
- по виду субъекта конфликта: политические, семейные, социальные, бытовые, культурные и другие;
- по уровню сопричастности участников конфликта: межгосударственные, межобщинные, межгрупповые, между группой и личностью, межличностные, внутриличностные и другие;
- по мере напряженности разногласий и столкновения интересов участников конфликта: разногласие, противоречие, вражда, скандал, ссора, война и другие;
- на основании проблем, связанных с деятельностью: политические, производственные, семейные, творческие, педагогические и другие [Язык и конфликт 2019].

С точки зрения причин возникновения конфликта выделяют следующие его разновидности:

- 1) объективные, появляющиеся в повседневной жизни в результате материальной неустроенности или радикальных перемен в жизни индивидов;
- 2) организационно-управленческие, связанные с нарушением кооперативных норм в деятельности различных организаций, групп, команд;
- 3) социально-психологические, обусловленные трудностями межличностного взаимодействия: конкуренцией между группами, ограниченностью собственных интересов;
- 4) личностные, связанные с характеристикой поступков других индивидов как личностно неприемлемых.

В речевом конфликте участники паритетны и могут выбирать различные модели поведения: подавление конфликта, игнорирование, открытый диалог. В случае речевой агрессии паритет отсутствует – одна из сторон преобладает над другой и нарушает личное пространство.

С понятием речевого конфликта соотносится смежное понятие конфликтного текста. По определению О.Ю. Усачевой, конфликтным текстом является текст, посредством которого осуществляется социально-психологическая ситуация конфликта столкновения двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия [Усачева 2010].

По мнению А.Н. Баранова, конфликтный текст выступает сферой функционирования языка, в которой практические задачи решаются посредством лингвистических исследований [Баранов 2007].

А.Н. Ковальчук дает следующее определение понятию «конфликтный текст» – это текст, являющийся текстовым инвариантом, допускающий существование нескольких объективных интерпретационных вариантов – один представлен адресатом, другой – адресантом [Ковальчук 2014: 127].

С.С. Сергеев вывел ряд признаков конфликтных текстов:

- 1) участие в его создании нескольких действующих субъектов, вступающих в коммуникативную связь с целью создания и обмена текстами;
- 2) текст данного рода отличается особой разнородностью разных уровней – самих субъектов; несвязности самой формы и частей текста;
- 3) содержанием таких текстов выступают не знания о конфликтах и не их описания [Сергеев 2006: 105–107].

Н.А. Белоус и Н.В. Осколкова определяют конфликтный текст по намерению его адресанта причинить ущерб адресату (слушающему, читающему). По мнению исследователей, осмыслить конфликтный текст возможно, противопоставив ему неконфликтный текст, «который до данного момента не был вовлечен в конфликт, что, естественно, не исключает такой возможности в будущем» [Белоус, Осколкова 2007: 102–103].

Н.А. Белоус и Н.В. Осколкова говорят о том, что не всегда под «конфликтным текстом» понимается именно текст: им могут быть не только

два и более связанных между собой смыслом предложения, но и даже отдельные слова [Белоус, Осколкова 2007: 104].

Важно разграничивать понятия «конфликтный» и «конфликтогенный» текст. Конфликтогенным является текст, который служит причиной конфликта, создающий конфликтный дискурс [Белоус, Осколкова 2007: 103].

Следует отметить, что понятие «конфликтный текст» более широкое, чем «конфликтогенный текст», так как обозначает и тексты, спровоцировавшие конфликты (могут быть созданы и до начала конфликта), и тексты, которые создаются во время конфликтной коммуникации), и тексты, содержащие потенциальный конфликт [Белоус, Осколкова 2007: 103].

Г.Г. Слышкин считает, что конфликтный текст, выступая целым речевым событием, включает в себе различные речевые жанры: оценки, угрозы, оскорбления, лозунги, провокационные заявления, призывы и т. д. [Слышкин 2004: 56].

Рассмотрим такие смежные явления, как «дискурс» и «конфликтный дискурс». Лингвист Патрик Серио в своей фундаментальной работе «Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса» говорит о том, что «дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим субъектом» [Серио 1999: 124].

Конфликтный дискурс определяется как речевое взаимодействие участников коммуникации, отличающееся столкновением коммуникативных целей, реализация которого может предполагать наличие имплицитных или эксплицитных инвектив. Результатом такого взаимодействия является появление у коммуникантов отрицательных эмоций, связанных с вербальным воздействием друг на друга [Белоус 2008: 5].

Конструкция конфликтного дискурса состоит из нескольких коммуникативных актов, адресанта, адресата, желания адресанта и реализуется при столкновении взглядов и интересов участников. В конфликтном дискурсе мотивацией для таких коммуникативных актов выступает воздействие на личность и сознание адресата с целью создания у него определенных реакций и действий.

Конфликтный текст может создавать конфликтный дискурс – конфликтогенный текст или содержать потенциальный конфликт. Конфликтный дискурс может заключать в себе конфликтный текст, а может ограничиться отдельными конфликтными высказываниями [Белоус, Осколкова 2007: 106].

Существующие определения конфликтного дискурса, по нашим наблюдениям, не позволяют четко разграничить понятия речевого конфликта и конфликтного дискурса, то есть они рассматриваются исследователями как тождественные по следующим признакам: речевое взаимодействие коммуникантов, в котором присутствуют отрицательные эмоции, вызванные их вербальным воздействием друг на друга и столкновением коммуникативных целей [Белоус 2008].

Ключевым фактором, порождающим конфликтную ситуацию, является речевая агрессия. Ю.В. Щербинина подразумевает под речевой агрессией отрицательное коммуникативное воздействие, которое заканчивается негативными последствиями, а агрессивная речь заключается в унижающих, бранных, оскорбительных и подавляющих высказываниях [Щербинина 2004: 15–16]. По мнению автора, агрессивное речевое поведение заключается в вербальной агрессии, посредством которой и выражаются негативные чувства и эмоции, к которым можно отнести обиду, отвращение, злость, презрение, раздражение и так далее.

Исследователь выделяет следующие обстоятельства, при которых проявляется речевая агрессия:

– негативные эмоциональные ответные действия и реплики адресата, связанные с первичным высказыванием;

– негативное речевое намерение говорящего (выражение негативных эмоций, желание унижить оппонента);

– отсутствие соотнесенности между высказыванием, представлением об адресате и характером общения (фамильярность, намеренное игнорирование участников речевой ситуации, оскорбления) [Щербинина 2004].

О.М. Казарцева определяет агрессивное речевое поведение как деятельность, которая проявляется в клишированных действиях, спровоцированных воспроизведением чужих стереотипных поступков или же собственного опыта. Агрессивной речевой деятельностью является запланированная и адресная вербальная атака [Казарцева 1998: 9].

По определению А.В. Щербакова, речевой агрессией является речевое поведение, причиняющее или предполагающее причинение эмоционального или психологического вреда обществу, группе людей или конкретному человеку [Щербаков 2014].

Сама ситуация, реализующая речевую агрессию, предполагает негативное воздействие на адресата и может возникнуть в любом дискурсе и любой коммуникации – массовой, групповой или межличностной [Глебов, Родионова: электронный ресурс]. Формами речевой агрессии являются враждебные замечания, грубые отказы, обвинения, оскорбления, насмешки, издёвки, угрозы и так далее.

О.Н. Завьялова говорит о том, что речевую агрессию мотивирует эмоциональное состояние говорящего и его желание вызвать у адресата состояние агрессии. Автор выделяет следующие виды речевой агрессии:

– активная прямая (призывы к насилию, оскорбления, унижения, угрозы в чей-либо адрес, выражение деструктивных пожеланий в чей-либо адрес – увечий, смерти, разрушений);

- активная непрямая (распространение клеветы и сплетен);
- пассивная прямая (отказ от общения);
- пассивная непрямая (отказ дать объяснение, демонстративное молчание) [Завьялова 2003: 562].

По мнению Ю.В. Щербининой, речевая агрессия по числу участников подразделяется на массовую и социально замкнутую (межличностную, групповую и т. д.). Также автор выделяет следующие классификации речевой агрессии:

- по степени осознания говорящим направленности речевого воздействия (инициативная и реактивная, осознанная и неосознанная, целенаправленная и нецеленаправленная);

- по интенсивности (невежливый отказ или скрытый упрёк – менее интенсивные выражения агрессии, чем брань или грубое требование);

- по степени выраженности (явная и скрытая агрессия);

- по отношению к объекту агрессии (переходная (направлена на конкретного и реально существующего адресата) или непереходная (говорящий абстрактно выражает негативные эмоции обществу, окружающим людям и «ругает» окружающий мир и «вселенную») [Щербинина 2004: 134–144].

Важнейшая тактика, которая реализуется в конфликтных текстах, – тактика манипулирования. В.Е. Чернявская определяет речевую манипуляцию как речевое воздействие, которое скрыто влияет на сознание адресата, изменяет его установки, взгляды и желания. Адресант, интересы которого чаще всего не совпадают с интересами адресата, использует приемы речевой манипуляции, тем самым имплицитно побуждая адресата совершать указанные действия, которые принесут ему определенную выгоду [Чернявская 2006].

По мнению С.А. Мегентесова, любое речевое высказывание напрямую связано с процессами внушения или воздействия [Мегентесов, Мохамад

1997]. Целью речевой манипуляции является искажение у манипулируемого лица восприятия конкретных высказываний за счет игнорирования определенных аргументов. Из этого следует, что речевая манипуляция проявляется в вариантах субъективной интерпретации действительности, а не в объективном ее описании.

С.Н. Литунов считает, что языковое манипулирование происходит вследствие выбора и использования языковых средств, которые оказывают воздействие на адресата речи. Результатом языкового манипулирования является искаженное восприятие речевого сообщения у адресата и создание у последнего заблуждений и ошибочных мнений, которые могут провоцировать его на совершение выгодных для адресанта действий [Литунов: электронный ресурс].

При речевом манипулировании чаще всего адресат не в полной мере осознает влияние адресанта и воспринимает его воздействие как часть объективной информации [Ковешникова 2014: 388]. По мнению Г. Шиллера, успешная манипуляция должна быть незаметной и происходит она в «фальшивой» действительности. В результате манипуляция становится неощутимой, а адресат речи должен воспринимать происходящее как данность [Шиллер: 1980].

Таким образом, на основе анализа лингвистической литературы мы выяснили, что речевой конфликт – это специфическая речевая ситуация, предполагающая столкновение интересов и точек зрения коммуникантов, в ходе которой они, как правило, отрицательно воздействуют друг на друга посредством речевых действий, выраженных негативными средствами языка.

Понятия речевого конфликта, конфликтного дискурса и конфликтного текста являются соотносимыми в области конфликтной коммуникации. Отметим, что понятия речевого конфликта и конфликтного дискурса объединяют между собой столкновения коммуникативных целей участников

речевой ситуации и наличие у них отрицательных эмоций, связанных с их вербальным воздействием друг на друга.

В нашем исследовании рассматриваются следующие типы речевых конфликтов: по виду развития: преднамеренные и непреднамеренные; по уровню сопричастности участников конфликта: между группой и личностью, межличностные, внутриличностные и другие.

1.2 Способы конфликтного взаимодействия и языковые средства их репрезентации

В настоящее время является актуальным вопрос определения средств языковой репрезентации речевых конфликтов. Среди работ, посвященных данной проблеме, можно выделить исследования В.С. Третьяковой [Третьякова 2000], Е.В. Щенниковой [Щенникова 2019], А.В. Дмитриева, В.П. Кудрявцева и С.В. Кудрявцева [Дмитриев, Кудрявцев 1993], Л.С. Выготского [Выготский 1982] и другие.

Конфликт реализуется посредством вербальной репрезентации, что обусловлено конфликтогенными свойствами языка и речи, которые и побуждают к конфликтной коммуникации носителей языка. Большое воздействие на конфликтогенные свойства языка оказывают психологические и социальные причины, вследствие которых создаются стабильные модели личностей, которые действуют в соответствии с тем или иным типом общения.

Коммуникативный контекст ситуации оказывает большое влияние на реализацию модели поведения личности и ее тип (дисгармоничная/гармоничная), что предопределяется лингвистическими, психологическими и социальными факторами.

По мнению В.С. Третьяковой, природа конфликта сочетает внешние (социальные) и внутренние (личностные, моральные) факторы [Третьякова 2000]. Также исследователь выделяет следующие параметры конфликта:

– участники конфликта, поведение которых зависит от внутренних (психологических) и внешних (социальных) факторов. К внутренним факторам, которые оказывают влияние на поведение участников речевого конфликта, автор относит интересы, установки, мотивы, тип личности, коммуникативные привычки, взгляды. К внешним факторам В.С. Третьякова относит договоры и конвенции, особенности речевого поведения, коммуникативные роли, нормы и традиции, которые сформировались в данном обществе или социальной группе [Третьякова 2000];

– речь и язык, которые сопоставимы как феномены внутреннего и внешнего уровней. Язык, выступая средством коммуникации и имея социальную природу, является особым кодом, который понятен и един для говорящих и создает для них условия успешного взаимодействия и обмена мыслями. Речь – это особый и индивидуализированный процесс применения возможностей и средств языка, который полностью зависит от говорящего и отличается вариативностью и зависимостью от ситуации [Третьякова 2000].

В языке и речи присутствуют свойства, которые выступают причинами возникновения конфликтов. К ним относятся:

– гибкость языкового знака и широкий диапазон значений;
– вариативность, омонимия, грамматическая и лексическая многозначность, динамичность языкового знака [Сердобинцев, 1981].

Возникновение ошибочных смыслов и неоднозначная интерпретация высказываний является результатом несовпадения объемов содержания знаков как единиц языка и речи, что приводит к созданию напряженности и непонимания, которые могут сигнализировать о развитии речевого конфликта.

Конфликтогенный потенциал языка заключается в вышеуказанных его свойствах, а реализуется посредством речи, соотносясь с актом речи, «абстрактный» языковой знак обновляет свое действительное значение, проявляя провоцирующие качества [Ильенко 1996: 7].

Обнаружение или же сокрытие провоцирующих качеств языкового знака зависит от ситуации общения и субъектов коммуникации – адресата и адресанта, языковой вкус, привычки и компетенция, коммуникативный опыт которых оказывают колоссальное влияние на исход коммуникации (сглаживание или обострение конфликта) [Третьякова 2000].

Признаком конфликтности выступает сила реакции и ответных действий адресата, которые он направляет на осуществленное речевое воздействие со стороны адресанта. Признаком оскорбительности является негативное психологическое состояние, вызванное воздействием речи адресанта на адресата.

Сценарии конфликтного дискурса предполагают следующие разновидности их развития:

– конфронтация – это зарождение между участниками конфликтной коммуникации антипатии, разногласий в восприятии и оценивании речевой ситуации, несоответствия ролевых ожиданий [Добрович 1984];

– конгруэнция – это создание совместного видения ситуации, возникновения сочувствия и взаимно усиливающегося подтверждения ролевых ожиданий участников коммуникации [Шибутани, 1969].

В конфликтной коммуникации вышеуказанные вариации развития действий не исполняются – участники коммуникации не согласуют свои речевые действия и не стремятся найти способы завершить конфликт.

Отметим, что в области конфликтной коммуникации понятия «конфликт» «агрессия» и «насилие» являются соотносимыми, но имеют ряд отличительных особенностей.

По определению Л.С. Выготского, агрессией является мотивированное деструктивное поведение индивидуума, которое приносит физический ущерб, причиняет вред объектам (неодушевленным и одушевленным), на которые направлено и противоречит правилам и нормам сосуществованию людей в обществе [Выготский 1982].

К. Лоренц считает, что назначением агрессии является недопущение нанесения вреда индивиду посредством ритуализации конфликта [Лоренц 1994]. По мнению Е.М. Полякова, данное утверждение делает понятия «конфликт» и «агрессия» не только отличными друг от друга типами социального взаимодействия, но и вовсе противоположными, но при этом данные понятия соотносятся как видовые и родовые и как частный и общий случай [Поляков 2013].

Под насилием подразумевается разновидность поведения или действия субъекта, из-за которого другие субъекты становятся жертвами вербального или физического давления. Посредством насильственного поведения коммуникантов конфликт получает внешнее проявление.

Многие лингвисты считают, что понятия «агрессия» и «насилие» являются соотносимыми, поскольку они характеризуют поведение, связанное с контролем и принуждением, которое отличается навязчивостью и напористостью [Дмитриев, Кудрявцев 1993].

В конфликтных ситуациях устойчивый тип поведения, характерный для определенных типов личности, формируется вследствие тех или иных субъективных и социальных черт личности. А.В. Дмитриев, В.П. Кудрявцев и С.В. Кудрявцев определили три фундаментальных типа личности, которые отражают социальное поведение индивидуума:

– конструктивный – тип субъекта, отличающегося склонностью к погашению конфликта, путем поиска решения, удовлетворяющего обе стороны;

– конформный – тип субъекта, отличающегося инертностью и покорностью (обладает двойкой природой – может неосознанно поощрять чужую агрессию, а может путем уступки и заглушить речевой конфликт);

– деструктивный – тип субъекта, отличающегося склонностью к доминированию, унижению, покорению оппонента своим интересам, усилению конфликта [Дмитриев, Кудрявцев 1993].

В свою очередь В.Г. Норакидзе в своем исследовании «Методы исследования характера личности» выделил следующие психологические типы личности, классифицируемые по разновидностям фиксированных установок:

– конфликтные со статической установкой;

– импульсивные с переменной установкой;

– цельные с динамической установкой [Норакидзе 1975].

В.С. Третьякова, классифицируя типы личности коммуникантов, ссылается на связь между коммуникативными установками (которые имеют определяющее значение) и признаками определенных стилей поведения:

– установка на совместную деятельность и примирение (предполагает стратегию сотрудничества, соблюдение коммуникативных норм и правил, позитивное восприятие коммуникативного партнера);

– установка на нейтралитет (предполагает стратегию невмешательства, отказа от совершения коммуникативных действий и воздействия на результат речевого происшествия, сосредоточенность участников коммуникации на собственном «я» и индивидуальных обособленных личных целях);

– установка на конфликт (предполагает применение отрицательных методов стимуляции вербального взаимодействия, оскорблений и нарушение коммуникативных норм при активном воздействии на оппонента) [Третьякова 2000].

Отметим, что данная классификация тесно связана с описанной выше концепцией фундаментальных типов личности А.В. Дмитриева,

В.П. Кудрявцева и С.В. Кудрявцева. Они соотносятся следующим образом: конструктивный – установка на совместную деятельность и примирение; конформный – установка на нейтралитет; деструктивный – установка на конфликт.

Приведенные выше классификации демонстрируют механизмы обуславливающие создание, развитие и реализацию речевых конфликтов. Лингвистические механизмы явно коррелируют с психологическими, так как речь и язык и сами представляют из себя сложный механизм, который приводит в действие психологические механизмы, что делает возможным использование агрессии в качестве защитной реакции [Третьякова 2000]. Основными психологическими механизмами речевой агрессии выступают оборонительные действия, который могут навредить другому участнику конфликтной коммуникации и желание адресата противодействовать намерениям адресанта и использовать для этого враждебные вербальные действия, которые способны причинить вред оппоненту.

К речевым и языковым механизмам можно отнести следующие явления: различная степень вербального воздействия, с преобладанием роли адресанта [Блакар 1987], разница в содержании и объеме фоновых знаний коммуникантов, полярность установок, различие объема и структуры кода/языка слушающего и говорящего, нарушение правил общения и языковых норм, использование инвектив и номинаций с отрицательным оценочным значением, использование невербальных и паралингвистических речевых средств, которые причиняют вред оппоненту и унижают его достоинство и честь [Третьякова 2000].

При помощи вышеперечисленных механизмов в конфликтной коммуникации реализуются тактики оскорбления, угроз, клеветы и стратегии соперничества, дискриминации и подчинения [Третьякова 2000].

По мнению Е.В. Щенниковой, дискредитация в глазах общественности является традиционным методом речевого унижения оппонента, который

реализуется при помощи понижения его социального статуса. Достигается этот эффект посредством сообщения о неоднозначности положения оппонента, использования высказываний, содержащих информацию о том, что его личность, поступки и поведение оказались негативно оценены социумом. Так называемая «маргинальность» оппонента, обусловленная отступлением от принятых в обществе норм – деятельностью индивидуума, носящий антисоциальный и/или опасный для общества характер, находит отражение в таких отрицательных номинациях как *каннибал, вор, женоненавистник, убийца, живодер, злодей* и их перифразах [Щенникова 2019].

Такие отрицательные номинации, могут выступать гипонимами к понятию «преступник» из-за насильственного выражения состояний оппонента, на которых они основываются: идеологической ориентации (расист), отклонениях в психике (изверг, психопат). Отметим, что такая отрицательная характеристика собеседника, связанная с оценкой соответствия или отклонения от определенной нормы основывается на индивидуальном восприятии говорящего. Часто такую негативную информацию дополняет понижающая социальный статус оппонента отрицательная эмоциональная оценка, которая ожидаема в свободной речи и характерна для конфликтной ситуации.

Слова, относящиеся к данной группе, определяют качества и свойства человека, о котором идет речь, нередко к ним относятся упоминания о сексуальных предпочтениях. Нередки случаи употребления экспрессивно-оценочных синонимов, соотносимых с нейтральными терминами, обозначающими этносы, для говорящего девиацией является связь между собеседником и социальной группой, поддерживающей ненавистные говорящему мировоззрение и традиции [Щенникова 2019].

Использование метафорических определений, которые содержат в себе семантику полной утраты личного достоинства и человечности и адресованы

конкретному лицу, способствует вербальному понижению статуса оппонента. К таким метафорическим определениям относятся зоосемантические метафоры, которые отмечают качества и свойства оппонента при прототипическом соотнесении с представителями фауны (*паук в образе человека, черепаха вы гнусная, каракатица, сову по полету, доброго молодца по соплям*).

При использовании метафорических сравнений оппонента с объектами вещного мира (в том числе с бытовыми отходами и выделениями организма) вербальное понижение статуса приобретает максимальную степень оскорбительности. В таком случае реципиент лишается говорящим человеческого достоинства, статуса и возможности к осмысленной деятельности [Щенникова 2019].

Описанные выше отрицательные номинации и метафорические сравнения могут при помощи устной речи, средств графики, иноязычной лексики образовывать принципиально новые обозначения. В первом случае большое значение имеют жесты и другие паралингвистические средства, которые формируют невербальную основу конфликтной коммуникации [Щенникова 2019].

Для участников конфликтной коммуникации характерны поведение, отличающееся агрессивностью, использованием прямых и косвенных оскорблений, негативных методов стимуляции при вербальном взаимодействии, отрицательной маркировки, навешивание ярлыков, доминирующим влиянием на собеседника, нарушением правил и норм коммуникации, а также установка на конфронтацию [Третьякова 2000].

Вышеописанные особенности поведения коммуникантов и существование отрицательных интенций объясняют наличие в подобных коммуникативных ситуациях неадекватных интерпретаций и отсутствие взаимопонимания между участниками конфликта.

Таким образом, на основе анализа лингвистической литературы мы выяснили, что основными средствами репрезентации речевых конфликтов является дискредитация в глазах общественности посредством использования метафорических определений и сравнений оппонента с объектами вещного мира, зоосемантических метафор, экспрессивно-оценочных синонимов, соотносимых с нейтральными терминами, обозначающими этносы, упоминаний о сексуальных предпочтениях.

1.3 Экспрессивные диминутивы как репрезентанты речевых конфликтов

Проблема изучения оценочных диминутивов рассматривается в следующих работах отечественных и зарубежных ученых: Б. Волек [Volek 1987], Ю.Л. Воротникова [Воротников 1988], Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук 1958], Р.М. Гейгер [Гейгер 1984], А.А. Дементьев [Дементьев 1967], А.А. Зализняк [Зализняк 2012], О.В. Крамковой [Крамкова 2001], Л.И. Осиповой [Осипова 1968], С.С. Плямоватой [Плямоватая 1955], Е.Ю. Протасовой [Протасова 2001], З.И. Резановой [Резанова 1983], А.М. Родимкиной [Родимкина 1980], Й. Свободовой [Свободова 1992], В.З. Санникова [Санников 2018], В.Н. Телия [Телия 1991], В.К. Харченко [Харченко 1976], С.Г. Шейдаевой [Шейдаева: электронный ресурс], Н.В. Шемборской [Шемборская 1954], Д. Юрафского [Jurafsky 1993, 1996].

Использование коммуникантами оценочного компонента диминутивных слов с семантикой «уменьшительно-уничижительность» и/или «уничижительность» может спровоцировать возникновение неудачной коммуникации, речевых конфликтов, коммуникативных неудач, коммуникативных сбоев и другие.

Энциклопедический словарь-справочник «Морфология русского языка» дает такое определение термину «диминутивы» (от лат. *dēminūtīvus* – «уменьшительные»): «модификационные дериваты существительных, выражающие значение уменьшительности по отношению к предмету, обозначенному мотивирующим словом, в сопровождении эмоционально-экспрессивной коннотации» [Панова 2010].

Известная лингвистка Мэри Хаас [Haas 1972] отметила, что диминутив обычно несет в себе ряд эмоциональных коннотаций, которые варьируются от ласки и нежности до полного неодобрения и оскорбления. Амбивалентная природа семантики диминутивов в совокупности с противоречивой сущностью речи и языка может способствовать возникновению разногласий и стать причиной зарождения конфликтной коммуникации.

Отличительными чертами диминутивов являются многозначность и многофункциональность, которые проявляются в выражении одного из множества смыслов как отдельного случая из большого количества вариантов возможных текстовых соединений.

Как тип производного слова диминутивы подразделяются на первичные и вторичные. Первичные образуются на первой деривационной ступени, например: *нога* → *ножка (1)*; *луг* → *лужок(1)*, вторичные – на второй деривационной ступени, например: *ножка(1)* → *ножечка(2)*; *лужок(1)* → *лужочек (2)*.

Экспрессивные диминутивы – модификационные дериваты существительных (а так же других частей речи – прилагательных, наречий и другие), которые выражают не уменьшительность, а устанавливают отношения между говорящим или адресатом, или передают личное/субъективное отношение говорящего к адресату (или денотату).

Диминутивы обладают яркой стилистической окраской и в большинстве случаев отмечены в словарях пометой «разговорное». С.Г. Шейдаева [Шейдаева 1998] считает, что разные функциональные стили

речи по-разному включают в себя субъективно-оценочные образования, и качественно, и количественно – наиболее разнообразно они представлены в разговорной речи и художественных текстах. Особенностью научного стиля является использование дериватов с размерно-оценочной семантикой, в особенности существительных с уменьшительными суффиксами, и практически полное отсутствие эмоционально-оценочных лексем. В настоящее время для официально-делового стиля характерно отсутствие производных с семантикой субъективной оценкой. Для публицистического стиля характерным является наличие большого количества дериватов с субъективно-оценочной семантикой, посредством которых и осуществляется воздействие на реципиента.

По функции диминутивы разделяются на две группы:

1) имеющие объективно-различительную функцию (когда величина и размер предмета обозначены объективно): «...этот костюм очень идет к ее нежной белокурой головке и маленькому росту...» [Куприн 2017: 36]; «Точно вот я стою в сумерках на зыбкой дощечке...»...» [Куприн 2017: 79]; «Дайте мне столовый ножик» [Куприн 2017: 336].

2) экспрессивную функцию (оценка выражена субъективно, она может быть как положительной, так и отрицательной): «Кушайте, экономочка» [Куприн 2017: 46]; «Ах, боже мой, мало ли что мы делали, когда были мальчишками?» [Куприн 2017: 61]; «Студентик, вы такой красивенький...» [Куприн 2017: 72].

Аспект значения суффиксов субъективной оценки создает следующую их классификацию, включающую в себя такие группы: уменьшительные, ласкательные, уменьшительно-ласкательные, уменьшительно-уничижительные. Все это образует эмоционально-оценочный компонент значения диминутивных слов.

Корреляция контекста высказывания с текстом и вариативностью эмоций, наполняющих диминутивы, обусловлена эмоциональной

направленностью текста и эмоциональной окраской соседних лексем [Резанова 2005]. Так, местоимения *какой-нибудь*, *какой-то* при совместном употреблении с суффиксами *-ушк-а*, *-онк-а/-енк-а* реализуют пейоративно-отчуждающую функцию диминутивов и выражают уменьшительно-уничижительные значения, относящихся к средствам передачи чуждости [Резанова 2005].

Предметы, относящиеся к материальному и/или идеальному миру, которые говорящий определяет как что-то «дорогое», «нужное», «свое» могут быть отчуждены и принижены им же. Такие случаи могут быть мотивированы разными причинами [Резанова 2005: 224].

В первую очередь, данная коммуникация может реализовывать пейоративно-отчуждающую функцию и направляться на сохранение того, что близко и важно говорящему. В таком случае предполагается присутствие не только участников коммуникации (говорящего и слушателя), но и третьего лица, которое принадлежит к высшим силам (которые способны повлиять на мир и навредить говорящему) [Резанова 2005: 224].

По мнению М.Я. Головинской русская наивная картина мира может не соотносить данное третье лицо с представлениями о Боге. Для такой высшей силы характерны агрессивные действия, спровоцированные неосторожными ритуальными словами и направленные на говорящего, – наказание и/или воздействие на дорогой/священный объект. Существование в современном нам наивном сознании рефлексов, соотносимых с дохристианской картиной мира и мифологическим типом мышления, связано с сохранением пейоративно-отчуждающей функции и использованием в данном случае диминутивных форм для выражения отчуждения и/или уничтожения говорящим дорогих/священных объектов [Головинская 1993: 215].

Не менее важным аспектом является принижение и отчуждение говорящего по отношению к дорогим/священным объектам «своего» мира [Порядина 1996]. Данные действия предпринимаются говорящим с целью

уберечь такие объекты от отчуждающе-уничижительной оценки адресата [Резанова 2005: 225].

Чуждость может выступать средством образования косвенного речевого акта иронии и выражаться диминутивами с уменьшительно-ласкательным значением в отчуждающе-ироническом отношении. В данном случае ирония образуется при стыке выраженного положительного и подразумеваемого отрицательного отношения, отраженного в интонации, а в письменном тексте отобразившегося в самом контексте [Резанова 2005: 226].

И.В. Фуфаева, обозначая понятие «суффикс экспрессивного диминутива», выбирает его дифференциальным признаком ласкательность, так как последняя является характерным словообразовательным значением. Это суффикс не меняет собственное лексическое значение и часть речи производящего слова и может сделать значение «ласкательность» побочным (-онок – внучонок) одним из основных (-чик – трамвайчик) или основным (-ушк(а) – кровинушка) [Фуфаева 2018].

Е.В. Зинин, современный исследователь, специализирующийся на русских диминутивах, предлагает свою классификацию семантики диминутивных суффиксов, которая включает в себя шкалу, определяющую степень демонстрации суффиксами значений «эмоциональность» и «диминутивность» (объективная уменьшительность)»:

- 1) от минимальной отметки (0) до конкретно уменьшительного значения;
- 2) от минимальной отметки (0) до конкретно ласкательного значения;
- 3) от минимальной отметки (0) до презрительного/уничижительного значения [Зинин 2008].

Е.В. Зинин сопоставляет уничижительность и выражение негативной оценки (пейоративность), а также ласкательность и выражение положительной оценки (мелиоративность).

М.В. Ломоносов, считал все умалительные имена эмоционально окрашенными, он создал бинарную модель экспрессии диминутивов, разделив их на две группы суффиксов – презрительных и ласкательных, в которые входили и экспрессивно-ласкательные суффиксы, не выражающие уменьшительность (-ушк – *речушка*, -еньк – *серденько*) [Фуфаева 2018].

А.А. Шахматов отнес в категорию «субъективная оценка» производные существительные со значением пренебрежительности, ласкательности, уменьшительности и увеличительности, так как их часть речи и лексическое значение при деривации не изменяется, по его мнению, они являются грамматическими формами [Шахматов 2019].

Суффиксы с субъективной оценкой делятся на следующие группы: ласкательные, уменьшительные, уменьшительно-ласкательные и уменьшительно-уничижительные. В этом заключается эмоционально-оценочная семантика диминутивов.

Значение уменьшительности включает следующие разновидности [Резанова 1996: 169]:

- 1) меньший по степени проявления (*ветерок, холодок, морозец*);
- 2) меньший по размеру, высоте, габаритам и тому подобное (*носик, домик, скверик, кулачок, огурчик*);
- 3) отклонение от нормы по каким-либо качествам (*горошек, супчик*);
- 4) значимость (*статейка, разговорчик*).

По функции диминутивы разделяются на две группы:

- 1) экспрессивную функцию (оценка выражена субъективно, она может быть как положительной, так и отрицательной);
- 2) имеющие объективно-различительную функцию (когда величина и размер предмета обозначены объективно).

Словообразовательная категория субъективной оценки является одной из основных для существительных-диминутивов, которые образуются при помощи следующих суффиксов [Русская грамматика 1980]:

–ик – *картузик, бантик*;

–ец – *братец, супец*;

–чик – *кафтанчик, чубчик*;

–ок/-ёк – *ветерок, кренделёк*;

–ушк-а – *коровушка, силушка*;

–инк-а (также суффикса -инк-а в сочетании с основами имен прилагательных) – *травинка, морщинка и горчинка (горький), кислинка (кислый)*;

–ашк-а, -ц-а – *черепашка, рюмашка*;

–ец-о – *сукнецо, копьецо*;

–ичк-а/-очк-а/-ечк-а – *единичка, косичка, бочечка*;

–иц-а – *лужица, мучица*;

–очек/-ёчек, -ечк-о – *звоночек, лужочек, денёчек, ситечко, утречко*;

–к-а – *тучка, кучка*;

–ятк-о – *дитяtko*;

–ишк-а/о – *врунишка, актеришка*;

–иц-а – *землица, сестрица*;

–ц-е, –ц-о – *золотце, оконце, пальтецо, ружьецо*;

–ёшк-а – *рыбёшка*;

–иц-е – *выраженьице, здоровьице*;

–ёнк-и – *глазёнки, волосёнки*;

–ушек – *соловушек*;

–ышек – *колышек, пупырышек*;

–енёк – *стерженёк*;

–анёк – *куманёк*;

–оньк-а/еньк-а – *шубонька, яблонька, зоренька, душенька*;

–онк-а/-ёнк-а – *одежонка, шапчонка, газетёнка, кобылёнка*.

Охарактеризуем словообразовательные значения особо частотных суффиксов субъективной оценки.

Суффикс *-к(а)/-очк(а)* употребляется с существительными женского рода (реже мужского и общего рода), обладает уменьшительной (*скверик, мостик*), уменьшительно-ласкательной (*картузик, травинка*), уменьшительно-уничижительной (*актеришка, офицеришка, службишка*), ласкательной (*усадебка, сосенка, земляца*) семантикой.

Суффикс *-очк(а)/-ечк(а)* употребляется с существительными всех трех родов, обладает ласкательной, реже уменьшительно-ласкательной семантикой (*лодочка, дамочка, душечка, линейка, дочечка*).

Суффикс *-ц(о)/-ец(о)*, а при безударной флексии *-ц(е)/-иц(е)* употребляется с существительными среднего рода (*добрецо, сукнецо*).

Суффикс *-ец-* употребляется с существительными мужского рода, обладает уменьшительно-ласкательной или уменьшительно-уничижительной семантикой с более проявленной экспрессией близости, сочувствия или издёвки (*тинец, братец, сунец*).

Суффикс *-ушк-* (ударный суффикс) употребляется с существительными, обладает уменьшительно-уничижительной или уменьшительно-ласкательной семантикой (*женушка, зверушка, черепушка, усадьбушка, церквушка*).

Суффикс *-онк-(-ёнк-)* употребляется с существительными мужского и женского родов, обладает уменьшительно-ласкательной, чаще уменьшительно-уничижительной семантикой (*одежонка, речонка, газетёнка, кобылёнка*).

Суффикс *-ок-/иц-/чик-* употребляется с существительными мужского рода, обладает семантикой уменьшительности и сопровождается экспрессией уничижительности или ласкательности и лишь изредка встречается только в ласкательном экспрессивном значении (*типчик, хозяйчик*).

Суффикс *-иц(а)* употребляется с существительными женского рода, обладает ласкательной, уменьшительно-уничижительной, уменьшительно-

ласкательной, уничижительной или только уменьшительной семантикой (*лужица, рожица, ленца, зальца*).

Суффикс *-к(о)* употребляется с существительными среднего рода, обладает уменьшительно-ласкательной или только ласкательной семантикой (*золотко, ведерко*).

Суффикс *-шик-* употребляется с существительными всех трех родов, обладает семантикой уничижительности, пренебрежительности, реже ласкательности (*мелочишка, работишка, лгунишка, братишка, шалунишка, офицеришка, землишка, шинелишка, хвастунишка*).

Суффикс *-ушк-* употребляется с существительными, обладает семантикой ласкательности (*кровушка, церквушка, тетушка, травушка, дубравушка*).

Суффикс *-онок/-ёнок-* (во множественном числе *-ат(а)/-ят(а)*) употребляется с существительными (*внучонок, совёнок, жеребёнок, деньжата, стишата*).

Суффикс *-оньк-(-еньк-/-иньк-/-ыньк-)* употребляется с существительными всех трех родов, обладает семантикой ласкательности (*девонька, березонька, ноченька, доченька, внученька, заинька, паинька, барынька, сударынька*).

Суффиксы *-ул(я)/-ун(я)/-ус(я)/-уш(а)* употребляются с существительными мужского и женского родов, обладают семантикой ласкательности (*дедуля, сынуля, бабуля, сынуля, дедуня, бабуня, мамуся, дедуся, бабуся, братуша*).

Суффиксы *-аш(а)/-ан(я), -яш(а)/-ян(я)* употребляются с существительными женского и мужского родов, обладают семантикой ласкательности (*папаня, бабаня, маманя*).

Суффикс *-ёшк(а)* употребляется с существительными женского рода, обладает семантикой уменьшительно-уничижительности (*рыбёшка, бабёшка, работёшка, грамотёшка*).

И.В. Фуфаева отмечает, что диминутивные суффиксы могут сохранять нейтральную диминутивную семантику, совмещая это с возможностью выражать экспрессию. Данный признак является отличительной особенностью диминутивных суффиксов, он примерно обозначает совокупность их значений, а также соотносит их с параметром продуктивности и основными свойствами – отсутствием/присутствием ограничения значений при совмещении с основами, позицией в конкуренции, так как при соперничестве происходит вытеснение и такие суффиксы перестают передавать семантику уменьшительности нейтрально и используются в основном как экспрессивные [Фуфаева 2018].

На основании вышеописанных критериев И.В. Фуфаева классифицирует суффиксы диминутивов на следующие группы: экспрессивные/ уменьшительно-экспрессивные/ уменьшительные; экспрессивные/ уменьшительно-экспрессивные; чисто экспрессивные; экспрессивные/суффиксы незрелости. Охарактеризуем данные группы диминутивов.

1. Экспрессивные/ уменьшительно-экспрессивные/ уменьшительные. К ним относятся суффиксы *-очк(а)/-ечк(а)*, *-иц(а)*, *-к(а)*, *-ышк(о)*, *-к(а/о)*, *-ик*, *-чик*, *-ок/-ек*, *-ц(е/о)*, которые могут выражать нейтральную уменьшительность (*ножик*, *дырочка*, *дощечка*, *сундучок*, *пальчик*, *головка*, *стойлице*), экспрессию – презрение, насмешку, сарказм, ласкательность (*мальчишечка*, *студентик*, *экономочка*, *деточка*, *солнышко*), способны передать семантику незрелости (*барашек*, *жеребенок*) [Фуфаева 2018].

2. Экспрессивные/ уменьшительно-экспрессивные суффиксы передают прямую корреляцию экспрессивной окраски и уменьшительности. К ним относятся суффиксы *-ёнк(а)/-онк(а)*, *-ёшк(а)*, *-ишк(а)*, *-ашк(а)/-яшк(а)*, *-ушк(а)*, (*долинушка*, *девчонка*, *монашенка*, *бабенка*), в случае отсутствия значения уменьшительности преобладает семантика снисходительности, жалости и/или пренебрежительности (*армяшка*, *папашка*, *городишко*,

потаскушка, фатишка, старикашка), также возможна семантика ласкательности с оттенком снисходительности (*парнишка, вральщики, лгунишки, романишки, пустышка*). Данные суффиксы в современных реалиях являются малопродуктивными.

При образовании дериватов, содержащих экспрессию, диминутивные суффиксы совмещаются с основами с семантикой лица (*старичок, папочка, еврейчик*) и могут сочетаться с основами с отличающимся значением (*торговлишка, мелочишка, квартирнка*) [Фуфаева 2018].

3. Чисто экспрессивные: малопродуктивные ласкательные суффиксы, лишенные возможности выразить семантику уменьшительности, но заключающие в себе эмоции благодарности, умиления, сочувствия, нежности, снисходительности, ласки, а также фамильярности, иногда иронии: *-оньк(а), -ул(я), -ус(я), -аш(а), -уш(а), -ун(я), -ан(я)*, безударный *-ушк(а/о)/-юшк(а/о), -еньк(а)* (*Феклуша, дусенька, ляленька, душенька, мусенька*).

По мнению Х.Я. Акиля, суффикс *-ушк-* помимо ласкательности включает в себе и семантику сочувствия и жалости, также сочетается с абстрактными понятиями (*свобода > свободушка*). Дериваты данной формы соотносимы не с детской речью, а с аспектом сочувствия, характерного для русской народной философии и подразумевают принципы доброты и сострадания, которые связаны с жизненным опытом говорящего [Акиль: электронный ресурс].

Экспрессивные суффиксы *-ул(я), -ус(я), -аш(а), -ун(я), -уш(а), -ан(я), -ёш(а), -аш(а)* используются при необходимости создать ласкательные обращения и гипокористические имена собственные, они характерны для коммуникации между близкими людьми, влюбленными. Такие суффиксы маркируют степень близости коммуникантов, коррелируя обозначаемую личность и структуру межличностных отношений участников коммуникации.

Суффиксы *-ус(я)*, *-ан(я)*, *-аш(а)*, *-ун(я)*, *-ёш(а)* характерны для дериватов, используемых в роли обращений к родственникам, возлюбленным, детям, питомцам, также создают гипокоризмы от имен собственных. Некоторая ограниченность производящих основ данной группы не влияет на разнообразие словообразовательных отношений и количество ласкательных обращений: в той категории суффиксы остаются продуктивными, хотя за этими пределами становятся непродуктивными. Возможной становится экспрессивная трансформация склонения, реализующая интенсивную ласкательность и выражающаяся в нестандартных комбинациях, обусловленных использованием иных ласкательных суффиксов: *-ашеньк(а)*, *-улечк(а)*, *-сик*, *-улик*, *-ушеньк(а)*, *-ульк(а)*. По мнению И.В. Фуфаевой, процесс образования гипокоризмов от имен собственных может происходить невольно и являться не осознанным решением, а проявлением эмоций и чувств [Фуфаева 2018].

4. Экспрессивные/суффиксы незрелости: коррелируют семантику незрелости и диминутивной экспрессивности: *-ёныш*, *-ёнок* (*гаденыш*, *поросенок*). Становится очевидной связь между суффиксом диминутива и его словообразовательной семантикой, а при лексикализации еще и его утраченного изначального значения.

Таким образом, изучение словообразовательных и семантических особенностей диминутивов и анализ лингвистической литературы позволил нам сделать следующие выводы. Экспрессивные диминутивы представляют собой особую словообразовательную категорию, для которой характерны следующие суффиксы: *-очк(а)/-ечк(а)*, *-ица*, *-к(а)*, *-ик*, *-чик* и другие. Возникновение неудачной коммуникации, речевых конфликтов, коммуникативных неудач, коммуникативных сбоев может быть спровоцировано использованием коммуникантами оценочного компонента диминутивных слов с семантикой «уменьшительно-уничижительность» и/или «уничижительность».

Выводы по первой главе

1. Речевые конфликты являются особыми речевыми ситуациями, в которых коммуниканты отрицательно воздействуют друг на друга посредством речевых действий, выраженных негативными средствами языка и речи, вследствие столкновения противопоставленных друг другу точек зрения и интересов. Доминирующим обстоятельством возникновения данных речевых ситуаций является речевая агрессия – отрицательное коммуникативное воздействие, которое заканчивается негативными последствиями и заключается в унижающих, бранных, оскорбительных и подавляющих высказываниях.

2. Существуют следующие типы конфликтов: по виду развития: преднамеренные и непреднамеренные; по виду социальной направленности конфликта: внутрисистемные, внесистемные; по виду субъекта конфликта: политические, семейные, социальные, бытовые, культурные и другие; по уровню сопричастности участников конфликта: межгосударственные, межобщинные, межгрупповые, между группой и личностью, межличностные, внутриличностные и другие; по мере напряженности разногласий и столкновения интересов участников конфликта: разногласие, противоречие, вражда, скандал, ссора, война и другие.

3. Конфликтогенные свойства языка и речи находят свое выражение посредством вербальной репрезентации и заключаются в особых механизмах, обуславливающих создание, развитие и реализацию речевых конфликтов. К основным языковым и речевым механизмам конфликта принадлежат: различная степень вербального воздействия, с преобладанием роли адресанта, разница в содержании и объеме фоновых знаний коммуникантов, полярность установок, различие объема и структуры кода/языка слушающего и говорящего, нарушение правил общения и языковых норм, использование инвектив и номинаций с отрицательным оценочным значением,

использование невербальных и паралингвистических речевых средств, которые причиняют вред оппоненту и унижают его достоинство и честь.

4. Использование таких языковых средств приводит к тому, что поведение участников конфликтной коммуникации начинает отличаться доминирующим влиянием на собеседника, использованием негативных методов стимуляции при вербальном взаимодействии, прямых и косвенных оскорблений, нарушением правил и норм коммуникации, отрицательной маркировки, установкой на конфронтацию и агрессивностью. Данные особенности поведения приводят к возникновению неадекватных интерпретаций и обуславливают отсутствие взаимопонимания между коммуникантами.

5. Экспрессивные диминутивы являются модификационными дериватами, которые выражают не уменьшительность, а устанавливают отношения между говорящим или адресатом, или передают личное/субъективное отношение говорящего к адресату (или денотату). Для суффиксов экспрессивных диминутивов характерно сохранение собственного лексического значения и части речи производящего слова, а также изменение значение «ласкательность» с основного на побочное. Для диминутивов характерны две функции: экспрессивная и объективно-различительная.

6. Отличительной особенностью диминутивных суффиксов является сохранение нейтральной диминутивной семантики и совмещение с возможностью выразить экспрессию. Это дает возможность классифицировать такие суффиксы на группы: экспрессивные/уменьшительно-экспрессивные/уменьшительные; экспрессивные/уменьшительно-экспрессивные; чисто экспрессивные; экспрессивные/суффиксы невзрослости.

Глава 2 Характеристика языковых особенностей конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма»

2.1. Особенности отражения речевых конфликтов и их типологические разновидности в повести А.И. Куприна «Яма»

Речевой конфликт как особый тип речевой ситуации характеризуется определенными структурными составляющими, которые свойственны и художественному диалогу, отражающему реальный речевой конфликт. Как показал анализ научной литературы, проведенный в первой главе данного исследования, к основным составляющим структуры речевого конфликта относятся:

- предметно-событийный мир художественного произведения как объективные элементы конфликта;
- участники речевого конфликта и их характеристики;
- причины возникновения конфликта;
- наличие языковых средств, обладающих конфликтным потенциалом.

Рассмотрим особенности отражения обозначенных составляющих речевой конфликтной ситуации в произведении А.И. Куприна «Яма».

Предметно-событийный фон рассматриваемой повести включает место, время и участников изображаемых событий. Следует отметить, что события произведения разворачиваются в южном городе, который находится на территории нынешней Украины. Из описаний, представленных в повести, мы можем лишь предполагать, что место действия город Киев, об этом свидетельствуют лишь незначительные детали: река Днепр; Лавра, наиболее чтимая и богатая среди монастырей России; каштаны, растущие вдоль бульваров; Борщаговка. При этом автор ни разу в повести не обозначает название города, этим он придает условный характер пространству

произведения, подчеркивая, что все публичные дома схожи и могут быть в любом городе.

В повествовании чувствуется влияние культуры и стилистики украинского языка. Наиболее ощутимо оно отразилось в эпизоде, когда Лихонин посетил Ново-Кишиневский базар, там он увидел сцену шумного веселья малоросских торговков. Тут мы видим и описание национального колорита, и многообразие украинских песен и языка.

Центральными героями повести являются тринадцать молодых девушек-проституток и репортер местной газеты Платонов, который в произведении высказывает позицию и взгляды автора. Остальные многочисленные герои создают колорит окружающего мира и атмосферу разложения морали в обществе начала XX века.

Описание быта героинь, их привычного распорядка и жизненного уклада, нюансов их рабочих вечеров, продажи плотской любви за установленную цену любому желающему, передача через «экономочку» заработка хозяйке – все это составляет отлаженный механизм деловых денежных расчетов, торговую сделку, заложницами которых являются девушки. В этом механизме героини являются всего лишь товаром, за которым приходят, как в магазин или ресторан, заинтересованные «покупатели-потребители».

У большинства таких посетителей заведения Анны Марковны нет лица и имени, они просто покупают товар и получают удовольствие, но портреты тех, кто стал уже постоянным клиентом и неотъемлемой частью этого публичного дома поражают нас своей порочностью. Это и Ванька-Встанька, пьянчужка и балагур, потерявший свою личность, упавший на самое социальное дно, он умер в этом же публичном доме так убого и бессмысленно, как и жил. И палач Дядченко, который делал свою работу с удовольствием и этим внушал страх. И актер Эгмонт-Лаврецкий, шут и лжец,

переигрывающий и неестественный во всем, – все они изображены ярко и реалистично.

Центр произведения – несколько сюжетных линий. История Женьки, заразившейся страшной болезнью и решившей не дожидаться возмездия, а самостоятельно наказать виновников этого несчастья, и история Любы, которую хотел вернуть к честной жизни Лихонин.

Сюжетообразующей деталью в произведении становится название, оно обладает символическим смыслом. Это не только название местности, но и аллегорическое название положения, в котором оказались девушки из заведения Анны Марковны. Само слово «яма» ассоциируется с чем-то низким, грязным, в конце повести оно и вовсе связывается в сознании читателя со смертью и могилой. Если применить ассоциацию «яма – низкое, противоречащее счастливой жизни» ко всей территории Ямской слободы, мы получим оппозицию «закрытое, разлагающее пространство Ямы – пространство нормальной жизни». Тогда эпизод, в котором экономка Эмма Эдуардовна заставляет девушек вернуться с улицы, открытого пространства нормальной жизни в помещение публичного дома, обретает новое значение. Создается впечатление, будто девушек насильно удерживают в заведении Анны Марковны.

Значительное место занимают портретные описания девушек и всех персонажей в целом. Портретные зарисовки девушек из публичного дома очень колоритные и живые. Маленькая и лупоглазая, похожая на ягненка, наивная блондинка Нюра, высокая, сероглазая и добрая Зоя, высокая, красивая, гордая, с прекрасными глазами брюнетка Женя, хитрая, таинственная и опасная Тамара, нежная блондинка Маня Маленькая, гнусавая, маленькая и курносая Нина и многие другие составляют живописную галерею характеров проституток.

Другой прием характеристики персонажей повести как участников речевых конфликтов – сравнение девушек с животными, подчеркивающее,

что животное начало вместе с инстинктами преобладают над разумом. Так, автор сравнивает Тамару с лисой, Нюру – с ягненком, Катюку – с откормленной индюшкой, Генриетту – со старой лошастью, а Маньку Большую – с крокодилом.

Сравнения персонала с животными выглядят менее привлекательными: Эмма Эдуардовна сравнивается со старой жирной цирковой лошастью, Анна Марковна – с гиеной, а Зося – с лисой. Примечательно также, что в повести автор описывает поступки и поведение героев, будто театральными ремарками, которые подсказывают действия актерам.

Не менее важно и средство характеристики персонажей – говорящие фамилии, которые как бы дают подсказку и дополнительно раскрывают потаенные смыслы, настраивая нас на углубленное восприятие образов персонажей. Применимо это средство к персонажу Борису Собашникову: возникающие из-за уменьшительного суффикса ассоциации помогают нам заранее предположить, что у него скверный характер, приличествующий глупой некрупной собаке, а не студенту-интеллекту. В действительности все оказывается именно так, на протяжении всего произведения мы видим, что этот герой наделен лишь отрицательными чертами характера, которые он не устает демонстрировать при любом удобном случае.

Говорящая фамилия и у Любы, которую в действительности зовут Вощенковой Ириной. Эта фамилия вызывает смутные ассоциации со словом «вощенный», «пропитанный воском» или же податливый, как воск. Во всем поведении Любы в целом, и в эпизоде, когда она ждала Лихонина после студенческого собрания на бульварной скамейке, в частности, видна та податливость и обезличенность, которые появились у нее еще в заведении Анны Марковны. Создается впечатление, будто с ней можно сделать что угодно, она не сможет постоять за себя и выразить протест, поскольку ее психика искалечена и изуродована. Возможно, если бы ее жизнь сложилась

иначе, а не надломилась в публичном доме, она могла бы стать развитой и творческой личностью.

Не менее выразительна фамилия и у Лихонина, которая вызывает ассоциации со словом «лихо», устаревшее значение которого подразумевает зло. Как мы увидим дальше, Лихонин действительно причинит Любе зло, разобьет сердце, разрушит все надежды, подвергнет новым унижениям, усугубит ее положение в публичном доме и ожесточит ее душу.

Прием говорящей фамилии отразился и в образе Жени, настоящее имя которой Сусанна Райцына. Эта фамилия ассоциируется со словом «рай» и дает надежду, что хотя бы после смерти девушка сможет найти покой и испытает счастье. И хотя она самоубийца, религиозное преображение, раскаяние, готовность стать на защиту слабого и многолетние непрекращающиеся страдания очищают ее душу. Говорящая фамилия и у репортера Платонова, в сознании читателей она ассоциируется с образом древнегреческого философа Платона. Именно устами Платонова Куприн высказывает собственные мысли, философские рассуждения и отношение к проблеме проституции.

Средством создания образов выступает и речевая характеристика героев. Так как большинство из них малообразованны, практически у всех в речи присутствуют просторечия, обиходный словарь проститутток и вовсе – тридцать-сорок слов. Персонал и девушки из заведения Анны Марковны также говорят на особом жаргоне, понятном в публичных домах. Все эти нюансы отражаются и в диалогах девушек, мы понимаем, что большинство из них интеллектуально не развиты, но на их фоне ярко выделяются Тамара и Женя. Отличает их то, что Женя любит читать, а у Тамары богатый жизненный опыт – она была институткой, а в публичном доме она скрывается.

В нашем исследовании мы предприняли классификацию конфликтных диалогов персонажей рассматриваемой повести с точки зрения

мотивационной составляющей речевого конфликта. Это обусловлено тем, что данное художественное произведение носит ярко выраженную социально-философскую проблематику.

В лингвоконфликтологии с точки зрения причин возникновения конфликта выделяют следующие его разновидности: объективные, организационно-управленческие, социально-психологические, личностные. В произведении А.И. Куприна «Яма» описано множество конфликтов и разнообразно представлены все виды причин возникновения конфликтной коммуникации.

Представим типологию речевых конфликтов по указанному параметру в повести А.И. Куприна «Яма»:

1. Объективные речевые конфликты: ярким примером объективного конфликта является эпизод, главными участниками которого были Манька Маленькая, экономка Зося и безымянный посетитель публичного дома. Конфликт возник вследствие материальной неустроенности посетителя публичного дома. Ощущая из-за этого внутренний дискомфорт, он неосознанно перешел к агрессивной речевой деятельности, чем нарушил коммуникативные правила и нормы, которые предусмотрены данной речевой ситуацией: *«Я не люблю, когда со мной торгуются. Если надо, я сам потребую»* [Куприн 2017: 46]; *«И потом разве вы не умеете разбирать людей? Видите, что к вам пришел человек порядочный, в форме, а не какой-нибудь босяк. Что за назойливость такая!»* [Куприн 2017: 46].

Объективные причины присутствуют в описании условий жизни девушек, их общении с посетителями, экономками и владельцами публичного дома. В таких условиях часто встречается естественное столкновение интересов персонажей в повседневной жизни, клише при разрешении конфликтов социальной направленности, материальная неустроенность девушек очевидна, а вот радикальным переменам в их жизни не суждено было воплотиться. Кличе при разрешении конфликтов

социальной направленности проявились очень подробно в описании ссоры между баронессой Тефтинг и Женей:

« – Я патронесса монастыря для падших девушек, и поэтому я, по долгу моей службы, должна собирать сведения о вас. Но тут мгновенно вспыхнула Женька: – Сейчас же убирайся отсюда, старая дура! Ветошка! Половая тряпка!.. Ваши приюты Магдалины – это хуже, чем тюрьма. Ваши секретари пользуются нами, как собаки падалью. Ваши отцы, мужья и братья приходят к нам, и мы заражаем их всякими болезнями... Нарочно!.. А они в свою очередь заражают вас...» [Куприн 2017: 171–172].

2. Речевые конфликты, отражающие организационно-управленческие причины.

Данный тип речевого конфликта представлен в произведении менее частотно. Например, в разговоре проводника и сутенера-спекулянта под псевдонимом «Горизонт», в котором они обсуждали свою противозаконную сделку:

«– А теперь пожалуйста денежки, по уговору. – Сколько же тебе? – Да как уговорились: половину приплаты, два рубля восемьдесят копеек. – Что?! – вскипел вдруг Горизонт. – Два рубля восемьдесят копеек?! Что я сумасшедший тебе дался? На тебе рубль, и то благодари бога!

– Простите, господин! Это даже совсем несообразно: ведь уговаривались мы с вами? – Уговаривались, уговаривались!.. На тебе еще полтинник и больше никаких. Что это за нахальство! А я еще заявлю контролеру, что безбилетных возишь. Ты, брат, не думай! Не на такого напал!» [Куприн 2017: 141–142].

3. Речевые конфликты, отражающие социально-психологические причины.

Наиболее частотный вид речевого конфликта, поскольку А.И. Куприн выводит общественные, социально-философские и нравственные проблемы на первый план.

В повести события жизни девушек передаются через описания их конкурентного взаимодействия друг с другом или с посетителями, это делает очевидным их неспособность понять и принять интересы других людей и изменить собственную позицию по отношению к ним. Делается упор на том, что они отдают предпочтение своей тесной социальной группе и с опаской относятся к взаимодействию с враждебно настроенным к ним внешним миром. Это отразилось в эпизоде скандала между студентом Борисом Собашниковым и Женей:

«– Вот так! Bravo, студентик! Bravo, bravo, bravo!.. Так его, хорошенько!.. В самом деле, что это за безобразие! Вот он придет сюда, – я ему все это повторяю.

– Пож-жалуйста! С-сколько угодно! – по-актерски процедил Собашников, делая вокруг рта высокомерно-брезгливые складки. – Я сам повторяю то же самое.

– Вот это – молодчина, за это люблю! – воскликнула радостно и зло Женя, ударив кулаком о стол. – Сразу видно сову по полету, доброго молодца по соплям!» [Куприн 2017: 92].

4. Личностные речевые конфликты.

Широко освещены в тексте и личностные причины конфликтов, поскольку А.И. Куприн умело и красочно описал типы темпераментов центральных персонажей, их характеры, подчеркнул отсутствие у них психологической устойчивости и ограниченность их социально-психологической компетентности. Ярким примером данного типа конфликтов является ссора между Женей и Пашей:

« – Дура! Не все тебе равно, кто он такой? Влюблена ты в него, что ли? – Ну и влюблена!

– Ну и дура. А в этого, с кокардой, в кривого, тоже влюблена?» [Куприн 2017: 38].

Большое количество ссор девушек друг с другом, с посетителями, и споров между посетителями свидетельствует о преобладании в данной повести личностных и социально-психологических речевых конфликтов. Причиной тому является неспособность изменить личное отношение друг к другу и принять интересы других людей. Автор талантливо и колоритно описал характеры центральных персонажей, отметил их слабую психологическую устойчивость.

5. Отчасти намеренный речевой конфликт. Характеризуются тем, что один из коммуникантов предварительно решил достигать намеченную цель общения посредством использования конфликтных приемов межличностной коммуникации.

Примером отчасти намеренного речевого конфликта является описание ссоры между персонажами Женей, Манькой и Зоей. Его признаками является наличие инициатора конфликта (Жени), намеренное применение конфликтных приемов для достижения целей общения – выразить свое отношение к ситуации и убедить других участников (Маньку и Зою) в правильности своей точки зрения: *«Дура, чем копить деньги, на что ты их тратишь?»* [Куприн 2017: 23].

6. Намеренный речевой конфликт. Намеренные конфликты проявляются в том, что коммуниканты изначально настроены придерживаться антагонистических точек зрения и коммуникативных установок и защищать их, при этом используя конфликтные приемы межличностной коммуникации [Белоус, Осколкова 2007].

Примерами намеренных речевых конфликтов являются диалоги Бориса Собашникова с посетителями и персоналом публичного дома. Признаками намеренных речевых конфликтов являются наличие инициатора конфликта (Собашникова), намеренное применение конфликтных приемов

для достижения целей общения – умышленно грубо выразить свое отношение к ситуации, противопоставить свою точку зрения всем остальным и привлечь к себе как можно больше внимания других участников:

«–Трррагедию из публичного дома! – вставил Громко, по-актерски, Борис Собашников» [Куприн 2017: 76]; *« Э! Чепуха! Хороший товарищ выпить на чужой счет»* [Куприн 2017: 91]; *«Пож-жалуйста! С-сколько угодно! – по-актерски процедил Собашников...»* [Куприн 2017: 92].

Посредством данных диалогов А.И. Куприн передает несостоятельность данного персонажа и раскрывает сущность его характера.

Свойственно такое поведение и другим персонажам повести А.И. Куприна: персоналу публичного дома и центральным героиням произведения Жене, Маньке: *«Болван зеленый! – крикнула экономка и захлопнула дверь»* [Куприн 2017: 244]; *«Хам хамом, грязный, избитый, вонючий, все тело в шрамах, только одна ему хвала: шелковая рубашка, которую ему Тамарка вышьет»* [Куприн 2017: 25]; *«Ругается, сукин сын, по-матерному, драться лезет»* [Куприн 2017: 25]; *«Да по морде бы его, подлеца, по морде!»* [Куприн 2017: 50]; *«Нет, черт вас побрал бы!»* [Куприн 2017: 174]; *«Нате!.. Это я вам даю на извозчика. Уезжайте сейчас же, иначе я разобью здесь все зеркала и бутылки...»* [Куприн 2017: 174].

Интенсивность вербальной агрессии находится в корреляционной зависимости от особенностей типа языковой личности, участвующей в конфликтной коммуникации и уровней речевого общения.

К.Ф. Седов предложил следующую классификацию типов языковой личности, осуществляющей вербальную деятельность в условиях конфликтной коммуникации [Седов 1996]:

– личность, для которой характерны здравомыслие, рационализм и косвенное и имплицитное проявление отрицательных эмоций посредством иронии – рационально-эвристический тип личности;

– личность, для которой характерны прямая вербальная агрессия и эксплицитное проявление отрицательных эмоций, что обусловлено особенностями эмоционально-биологических реакций – инвективный тип личности;

– личность, для которой характерны частотная демонстрация обиды и использование этикетных форм взаимодействия с социумом – куртуазный тип личности.

Среди персонажей повести А.И. Куприна «Яма» есть представители всех трех типов классификации, приведенной выше.

К рационально-эвристическому типу личности относятся проститутка Тамара и репортер Платонов: *«Мне прекрасно известно, что пятьдесят процентов из вас состоят на содержании у любовников, а пятьдесят остальных, из тех, которые постарше, содержат молодых мальчишек»* [Куприн 2017: 172]; *«У, какой скупой, папашка!»* [Куприн 2017: 42]; *«Остается сухая профессия, контракт, договор, почти что честная торговлишка, ни хуже, ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли»* [Куприн 2017: 77]; *«Знаете, есть поговорочка: визгу много, а шерсти мало»* [Куприн 2017: 78].

К инвективному типу личностей относится большинство центральных и второстепенных персонажей, среди которых Женя и Борис Собашников: *«Паришивый трехкопеечный писака! Бутербродник!»* [Куприн 2017: 91]; *«Такой ирод, подлец!»* [Куприн 2017: 35].

К куртуазному типу личности относятся проститутки Манька Маленькая и Люба: *«Браво, Тамарочка, так их! – закричала Манька, не вставая с полу...»* [Куприн 2017: 172].

Действия адресанта, нарушающие коммуникативные правила и нормы, которые предусмотрены данной речевой ситуацией, запускают механизм создания коммуникативных конфликтов [Муравьева 2002].

Таким образом, при исследовании текста повести А.И. Куприна «Яма» мы выяснили, что в нем представлены следующие типы речевых конфликтов: объективные, организационно-управленческие, социально-психологические, личностные, отчасти намеренные и намеренные. Отметим, что классификация типов языковой личности, которая осуществляет вербальную деятельность в условиях конфликтной коммуникации, применима и к персонажам данной повести: рационально-эвристический тип личности (проститутка Тамара и репортер Платонов), инвективный тип личности (большинство центральных и второстепенных персонажей, среди которых Женя и Борис Собашников), куртуазный тип личности (проститутки Манька Маленькая и Люба).

2.2 Лексико-семантические и грамматические особенности конфликтных диалогов различных типологических разновидностей в повести А.И. Куприна «Яма»

В данном параграфе мы рассмотрим разноуровневые языковые средства репрезентации конфликтных диалогов выявленных типологических разновидностей.

Важнейшими репрезентантами конфликтного характера диалогов в повести А.И. Куприна являются лексические языковые единицы бранной и стилистически-сниженной окраски, обозначающие лиц. С семантической точки зрения нами были выделены следующие группы лексических единиц, выражающих негативную оценку лица:

1. Наименования лиц по национальной принадлежности: (этнофолизмы): *грузинчик, армяшка, еврейчики, полячок, жидова, жид.*

Например: *«Ничего он не грузинчик, а просто армяшка»* [Куприн 2017: 38]; *«Это что-нибудь особенное, как говорят наши еврейчики»* [Куприн 2017: 136]; *«Жидова!»* [Куприн 2017: 142]; *«Подавись ты моими деньгами, жид пархатый!»* [Куприн 2017: 142]; *«Затем тотчас же, точно привидение из люка, появился ее сердечный друг, молодой полячок, с высоко закрученными усами, хозяин кафешантана»* [Куприн 2017: 154].

2. Наименования лиц по интеллектуальным, эмоциональным, физическим и физиологическим свойствам и качествам, поступкам: сравнения с объектами вещного мира:

– сравнения с объектами вещного мира: *Ветошка! Половая тряпка!; кровососная банка;*

– зоосемантические метафоры и сравнения (*русская свинья, паук в образе человека, черепаха вы гнусная, каракатица, сову по полету, доброго молодца по соплям, как собаки падалью; собачья дочь; русская свинья*);

– антифразис (положительно-оценочная лексика, негативно характеризующая предмет речи) (*браво, студентик, молодчина, брат; умницы*).

Например: *«Дура, стэрва, собачья дочь!»* [Куприн 2017: 200]; *«Пфуй, русская свинья!»* [Куприн 2017: 280]; *«Приходит, подлец, и заявляет: «Папа, меня ученики ругают, что ты полицейский, и что служишь на Ямской, и что берешь взятки с публичных домов»»* [Куприн 2017: 16]; *«Такой ирод, подлец!»* [Куприн 2017: 35]; *«Ни одному красивому слову я теперь не верю, а тошно мне с этими лгунишками, трусами и обжорами до бесконечности!»* [Куприн 2017: 110]; *«Молчи, шлюха!»* [Куприн 2017: 112]; *«Тоже – умницы! Дали старому псу на водку, – вот и околел»* [Куприн 2017: 312]; *«Знаю я этих братьев. До первой ночи...»* [Куприн 2017: 119]; *«Ты, брат, не думай! Не на такого напал!»* [Куприн 2017: 142]; *«Конечно, у нее был один только святой материнский расчет: если уже суждено Бореньке пасть, то пускай он отдаст свою чистоту, свою невинность, свое первое физическое влечение*

не проститутке, не потаскушке, не искательнице приключений, а чистой девушке» [Куприн 2017: 288].

3. Наименования лиц по социальным свойствам, по профессии, роду занятий: *палачи, убийца, воровка, подлая сводница, шпик, бутербродник*. Например: *«Политической экономочке Зосе мое почтение» [Куприн 2017: 52]; «Хозяйки, эти жадные гетеры! Эти гнусные выродки человечества, сосущие кровь проституток!..» [Куприн 2017: 78]; «Очень нужно связываться со всякой рванью. Черт его знает, кто он такой, – может быть, даже шпик?» [Куприн 2017: 91]; «Паршивый трехкопеечный писака! Бутербродник!» [Куприн 2017: 91]; «Дура!.. Убийца!.. Подлая сводница!.. Воровка!..» [Куприн 2017: 281]; «Палачи!» [Куприн 2017: 372].*

Значимым репрезентантом конфликтных диалогов является просторечная лексика: *от сюда; брешешь; не пустю; из заду; ось; чтой-та!* Например: *«От сюда! Ось!» [Куприн 2017: 200]; «Брешешь, курва, бо достойна, достойна!» [Куприн 2017: 200]; «А другой раз придете, так и вовсе не пустю» [Куприн 2017: 312]; «Ноги из заду выдерну» [Куприн 2017: 312].* Использование инвектив и вульгаризмов не всегда включает в себе речевую агрессию, но может привести к грубой реакции собеседника и превратить тональность речи в неприемлемую и грубую [Щербинина 2004].

Среди морфологических и синтаксических средств, репрезентирующих конфликтные диалоги в повести А.И. Куприна были отмечены следующие:

1) оппозиция личных местоимений, актуализирующих противопоставление «свой – чужой» как основу организационно-управленческого конфликта: *я, вас, ты, нами, нам, мы*. Например: *«Мы собрались своей тесной компанией, а тебе непременно нужно было затащить какого-то бродягу» [Куприн 2017: 69]; «Пусть он там неправ и так далее, мы можем выразить ему порицание в своей интимной компании, но раз нашему товарищу нанесли обиду – я не могу здесь оставаться» [Куприн 2017: 95];*

2) инфинитивы, краткие прилагательные, наречия, глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие функцию волеизъявления: *должна собирать, убирайся, живо, пошла вон, дайте, рассказывай, уйди, подавись, не думай, живо, мигом, нечего разглядывать, идите-ка, раздевайся!* Например: «*Пошла вон, сволочь! – крикнул Собашников, замахиваясь на нее локтем*» [Куприн 2017: 77]; «*Идите-ка подобру-поздорову!*» [Куприн 2017: 312]; «*Подавись ты моими деньгами, жид пархатый!*» [Куприн 2017: 142]; «*Ну, теперь, – обратилась она к Любке, – рассказывай, идиотка, все, что с тобой случилось!*» [Куприн 2017: 183];

3) глаголы деструктивной семантики: *заражаем, начнешь захлебываться и хрипеть, в лепешку растрепалась.* Например: «*А как ты еще будешь лучше, когда у тебя слюни изо рта потекут, и глаза перекошишь, и начнешь ты захлебываться и хрипеть, и сопеть прямо женщине в лицо*» [Куприн 2017: 50]; «*И ты хочешь за свой проклятый рубль, чтобы я перед тобой в лепешку растрепалась и чтобы от твоей мерзкой любви у меня глаза на лоб полезли?*» [Куприн 2017: 50];

4) риторические восклицания: *Нарочно! Где у вас совесть?! Дура! Вон! «До крови!»* [Куприн 2017: 50].

5) междометия и частицы: *нате, ну, у! ну да! ну конечно!* Например: «*Нате!.. Это я вам даю на извозчика*» [Куприн 2017: 174]; «*Ну да, здорова*» [Куприн 2017: 49]; «*Ну да! Ну конечно!*» [Куприн 2017: 76].

Персонажи данного произведения не только создают различные конфликтные ситуации, но и используют приемы контроля речевой агрессии:

1) убеждение (*Миленький, хорошенький; клянусь вам чем хотите; дорогая же вы моя, не бейте*):

– *Миленький, хорошенький, вы бы лучше этого господина не трогали. Ей-богу, для вас же будет лучше. – Чтой-та? – высокомерно взглянул на нее студент, поправляя двумя расставленными пальцами пенсне. – Он твой любовник? Кот?*

– Клянусь вам чем хотите, он ни разу в жизни ни с одной из нас не оставался. Но, повторяю, вы его не задирайте. – Ну да! Ну конечно! – возразил Собашников, презрительно кривляясь. – У него такая прекрасная защита, как весь публичный дом. И, должно быть, все вышибалы с Ямской – его близкие друзья и приятели.

– Нет, не то, – возразила ласковым шепотом Тамара. – А то, что он возьмет вас за воротник и выбросит в окно, как щенка. Я такой воздушный полет однажды уже видела. Не дай бог никому. И стыдно, и опасно для здоровья» [Куприн 2017: 76 – 77].

« – Что-о? – заорала она на Любку... – Ты хочешь, чтобы тебя опять приняли?.. Ты там черт знает с кем валялась по улицам, под заборами, и ты опять, сволочь, лезешь в приличное, порядочное заведение!.. Пфуй, русская свинья! Вон!..

Любка ловила ее руки, стремясь поцеловать, но экономка грубо их выдергивала. Потом вдруг побледнев, с перекошенным лицом, закусив наискось дрожащую нижнюю губу, Эмма расчетливо и метко, со всего размаха ударила Любку по щеке...

– Миленькая, не бейте... Дорогая же вы моя, не бейте...» [Куприн 2017: 280].

2) вежливое выражение протеста (Чего же ты ругаешься. Женя? Я же тебя первая не ругала):

«Дура. Ничего он не грузинчик, а просто армяшка. Сумасшедшая ты дура. – Ан нет, грузин. И довольно странно с твоей стороны... – Говорю тебе – армяшка. Мне лучше знать. Дура! – Чего же ты ругаешься. Женя? Я же тебя первая не ругала» [Куприн 2017: 38].

3) переключение внимания (Не будем лучше ссориться; хорошо, я сейчас пойду и пришлю его к тебе):

«Неужели тебе совсем, совсем-таки не жаль?»

– А тебе меня не жаль? – И она провела по красной полосе, перерезавшей ее горло. – А тебе себя не жаль? А эту Любку несчастную не жаль? А Пашку не жаль? Кисель ты клюквенный, а не человек!

Тамара улыбнулась лукаво и высокомерно: – Нет, когда настоящее дело, я не кисель. Ты это, пожалуй, скоро увидишь, Женечка. Только не будем лучше ссориться – и так не больно сладко живется. Хорошо, я сейчас пойду и пришлю его к тебе» [Куприн 2017: 298].

4) игнорирование (Ах, ну это дело другого рода; Молчу, миленький; Опять повторяю: это не мое дело; Я была и не злая и не гордая):

« – Пошла вон, сволочь! – крикнул Собашников, замахиваясь на нее локтем. – Иду, миленький, – кротко ответила Тамара и отошла от него своей легкой походкой» [Куприн 2017: 77].

« – Ах, ну это дело другого рода, – сладко, но все-таки с недоверием пропела экономка. – Потрудитесь перевернуть страничку и посмотрите, каков счет вашей возлюбленной. – Молчи, стерва! – крикнул на нее Лихонин.

– Молчу, дурак, – спокойно отозвалась экономка» [Куприн 2017: 241].

« – Но ведь это мегера, это паук в образе человека эта ваша портниха! – кричал иступленно Лихонин. – Ведь она же в заговоре с вами, кровососная банка вы такая, черепаха вы гнусная! Каракатица! Где у вас совесть?!

Чем он больше волновался, тем Эмма Эдуардовна становилась спокойнее и насмешливее.

– Опять повторяю: это не мое дело. А вы, молодой человек, не выражайтесь, потому что я позову швейцара, и он вас выкинет из дверей» [Куприн 2017: 242].

« – Если бы могла, я осудила бы их на пытку огнем и железом!.. Я велела бы...

– Ты злая и гордая, Женя, – тихо сказал Платонов. – Я была и не злая и не гордая... Это только теперь. Мне не было десяти лет, когда меня продала родная мать, и с тех пор я пошла гулять по рукам... Хоть бы кто-нибудь во мне увидел человека!» [Куприн 2017: 321].

Таким образом, в повести А.И. Куприна «Яма» наиболее частотными языковыми репрезентантами конфликтных диалогов являются следующие:

– лексические средства: наименования лиц по интеллектуальным, эмоциональным, физическим и физиологическим свойствам и качествам, поступкам; наименования лиц по национальной принадлежности; наименования лиц по социальным свойствам, по профессии, роду занятий; использование инвектив и вульгаризмов;

– морфологические и синтаксические средства: оппозиция личных местоимений, актуализирующих противопоставление «свой – чужой» как основу организационно-управленческого конфликта; инфинитивы, краткие прилагательные, наречия, глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие функцию волеизъявления; глаголы деструктивной семантики; риторические восклицания; междометия и частицы.

2.3. Экспрессивные диминутивы в повести А.И. Куприна «Яма» в аспекте репрезентации речевого конфликта

В конфликтных диалогах в качестве средств репрезентации конфликтного потенциала текстов часто выступают экспрессивные диминутивные производные слова.

По функции диминутивы разделяются на две группы:

1) диминутивы, выполняющие экспрессивную функцию (оценка выражена субъективно, она может быть как положительной, так и отрицательной). Например: *«У, какой скупой, папашка!»* [Куприн 2017: 42]; *«Мне казалось, что это все равно, что украсть деньги у дурачка, у идиотика, или ударить слепого, или зарезать спящего... Если бы он был какой-нибудь заморыш, худосочный или поганенький, блудливый старикашка, я не остановилась бы»* [Куприн 2017: 324–325];

2) диминутивы, имеющие объективно-различительную функцию (когда величина и размер предмета обозначены объективно). Например: *«Ах, боже мой, мало ли что мы делали, когда были мальчишками? Воровали сахар, пачкали штанишки, отрывали жукам крылья»* [Куприн 2017: 61]; *«Я не цирковая собачка, и не дрессированный верблюд, и не первая ученица института благородных девиц»* [Куприн 2017: 247].

Значение уменьшительности включает следующие разновидности [Резанова 1996: 169]:

1) меньший по степени проявления (*штришок, мелочишка*). Например: *«Здесь нужно великое уменье взять какую-нибудь мелочишку, ничтожный, бросовый штришок, и получится страшная правда, от которой читатель в испуге забудет закрыть рот»* [Куприн 2017: 82];

2) меньший по размеру, высоте, габаритам и тому подобное (*дырочка, петелька, сундучок*). Например: *«Мне известно также, что многие – ах, как многие! – из вас живут со своими отцами, братьями и даже сыновьями, но вы эти секреты прячете в какой-то потайной сундучок»* [Куприн 2017: 172];

3) отклонение от нормы по каким-либо качествам (*ручки, брючки, любовничек*). Например: *«Приходит хам, покупает тебя, как кусок говядины, нанимает, как извозчика, по таксе, для любви на час, а ты и раскисла: «Ах, любовничек! Ах, неземная страсть!»* [Куприн 2017:39]; *«Понимаешь,*

надругаться, растоптать ногами, заплатить за визит и уйти спокойно, ручки в брючки, посвистывая» [Куприн 2017:191];

4) значимость (*паспортишко*). Например: *«Получайте, молодой человек, паспортишко»* [Куприн 2017:247].

Отличительная особенность экспрессивных диминутивов – передача личного/субъективного отношения говорящего к адресату (или денотату) и установление между ними отношений, а не выражение уменьшительности.

Эмоционально-оценочный компонент семантики диминутивов реализуется в категориях «уничижительность», «уменьшительность», «ласкательность с оттенком уменьшительности», «пренебрежение с оттенком уменьшительности», сарказм, иронию, сожаление, которые в той или иной степени способны стать причиной конфликта [Фуфаева 2018].

Приведем примеры пейоративов с уменьшительно-пренебрежительным, презрительным или насмешливым значением суффикса, которые в контексте повести приобретают конфликтный потенциал. В тексте повести А.И. Куприна «Яма» экспрессивные диминутивы с данным значением представлены суффиксами *-ик, -чик, -ок/-ек, -ичк-а/-очк-а/-ечк-а, -к*:

«Затем тотчас же, точно привидение из люка, появился ее сердечный друг, молодой полячок, с высоко закрученными усами, хозяин кафешантана» [Куприн 2017:154]; *«Только не веди себя мальчишкой, барашек осетинский»* [Куприн 2017: 228]; *«Женька, Женька, иди скорее, к тебе твой любовничек пришел. Кадетик...»* [Куприн 2017:291]; *«Студентик, вы такой красивенький...»* [Куприн 2017: 72].

Ласкательность граничат со снисходительностью, жалостью, сочувствием, которые подвержены корреляции с пренебрежительностью. Жалость и сочувствие могут совмещать значение трепетного отношения или презрения к низкому качеству, убогости, слабости. Чаще всего такие экспрессивные диминутивы выражаются суффиксами *-ишк, -енк, -онк, -ушк*:

«От души желаю вам на любовь и дружбу, но только вы потрудитесь сказать этой мерзавке, этой Любке, чтобы она не смела сюда и носа показывать, когда вы ее, как собачонку, выбросите на улицу» [Куприн 2017: 238–239]; «А поздоровел как мальчишка, похорошел, вырос...» [Куприн 2017:298]; «Прямо глядеть сладко: два красивых паныча и две сличных паненки» [Куприн 2017:299]; «Наследные принцы женятся на вчерашних потаскушках, содержанках...» [Куприн 2017: 326].

Презрительность, применимая к денотату со значением лица, является адресной, в случае обозначения неодушевленных предметов может обозначать объективную оценку (хуже или меньше «нормального» объекта) или же субъективное эмоциональное отношение. В данном тексте экспрессивные диминутивы с данным значением представлены суффиксами *-ишк, -енк, -ик, -ушк*: *«Знаете ли... отдельный кабинетик» [Куприн 2017:71]; «Остается сухая профессия, контракт, договор, почти что честная торговлишка, ни хуже, ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли» [Куприн 2017: 77]; «Ни одному красивому слову я теперь не верю, а тошно мне с этими лгунишками, трусами и обжорами до бесконечности!» [Куприн 2017:110]; «Чай, не маленький: запсовел уж, а держишь себя, как мальчишка уличный!» [Куприн 2017: 206]; «Ступай, мальчишка!» [Куприн 2017: 305]; «Чаще всего это – мальчишки, которые стреляются и вешаются по пустякам, подобно ребенку, которому не дали конфетку, и он бьется назло окружающим об стену» [Куприн 2017:321].*

Пейоративы, выполняя отчуждающую функцию, выражают уменьшительно-уничижительные значения и часто сопровождаются местоимениями *какой-нибудь, какой-то*: *«У ней есть постоянный гость, какой-то высокопоставленный старичок с извращенными эротическими привычками» [Куприн 2017:24]; «Какой-то папашка, толстый, в золотых очках и в форме» [Куприн 2017:41]; «Подносил цветочки какие-нибудь... под*

ручку прогуливался при луне?» [Куприн 2017:304]; *«Все равно отдашь их горняшке какой-нибудь!»* [Куприн 2017:310].

Через пейоративную функцию диминутивов говорящий посредством «метафорического уменьшения» старается выразить отрицательное отношение к денотату и унизить его и таким образом достигается метафорическая победа и ощущение собственной значимости [Фуфаева 2018].

Особенностью семантики диминутивных суффиксов является корреляция лексического значения (коннотаций основы) и контекстного значения суффикса слова: суффикс обновляет определенные коннотации умалительности в соответствии с семантикой. Это обуславливает то, что ласкательность может репрезентироваться посредством чисто пренебрежительного суффикса, и наоборот, пренебрежительность через исходно ласкательный суффикс через механизмы иронии. Таким образом, все диминутивные суффиксы обладают тенденцией к репрезентации полного спектра экспрессии – в рамках каждого определенного диминутива суффикс передает особое отношение, которое является корреляцией семантики малого и лексического значения слова [Фуфаева 2018]: *«Осудим голодного ворюшку, который украл с лотка пяточковую булку, но если директор банка растратил чужой миллион на рысаков и сигары, то смягчим его участь»* [Куприн 2017:69].

Экспрессивные диминутивы могут играть роль средства образования косвенного речевого акта иронии, который образуется на стыке выражаемого позитивного и предполагаемого негативного отношения, которые находят отражение в интонации или же в контексте [Резанова 2005: 226]. Экспрессивные диминутивы для создания иронического эффекта используют общие и специфические языковые приемы, которые мы рассмотрим далее.

Противоречие сопутствующего значения суффикса лексическому значению основы или отрицательному отношению говорящего к

означаемому обуславливает возникновение иронического эффекта. Отрицательное отношение может быть адресовано подлинному объекту высказывания, которому и обращена ирония: *«Я думала, он в самом деле мужчина, а это девчонка какая-то!»* [Куприн 2017:310].

Иной случай проявления иронии – противоречия свойств денотата и словообразовательного значения с коннотацией детскости или трогательности. Данное проявление обусловлено приписыванием вышеуказанных коннотаций экспрессивных диминутивов объектам, которые не могут ими обладать: *«Сиди, как сидят умные дети, вот здесь, рядышком на кресле, вот так. И ручки сложи!»* [Куприн 2017:72].

Ироническая коннотация диминутивов охватывает целый спектр оттенков отношения и возникает с помощью разных приемов, однако на базе типичных диминутивных значений. Все иронические, насмешливые, шутливые значения являются субъективными.

Экспрессивные диминутивы реализуют формы речевой агрессии: враждебные замечания (*«Приходит хам, покупает тебя, как кусок говядины, нанимает, как извозчика, по таксе, для любви на час, а ты и раскисла: "Ах, любовничек! Ах, неземная страсть!»* [Куприн 2017:39]), обвинения (*«Ах, боже мой, мало ли что мы делали, когда были мальчишками?»* [Куприн 2017:61]), оскорбления (*«Ничего он не грузинчик, а просто армяшка»* [Куприн 2017:38]), насмешки (*«Был у меня на днях один кадетик»* [Куприн 2017:24]), издёвки (*«Скажите, пожалуйста: маль-чи-шеч-ка»* [Куприн 2017:25]) и так далее.

В данной повести представлены примеры обстоятельств, при которых реализуется речевая агрессия [Щербинина 2008]:

– отсутствие соотнесенности между высказыванием, представлением об адресате и характером общения (фамильярность, намеренное игнорирование участников речевой ситуации, оскорбления): *«Только не веди себя мальчишкой, барашек осетинский»* [Куприн 2017: 228]; *«Сердце*

человеческое, братец мой, князь, всякое сердце в согреве, в тепле нуждается» [Куприн 2017: 192].

– негативное речевое намерение говорящего (выражение негативных эмоций, желание унижить оппонента): *«Ну, этот еще ничего – фатишка!»* [Куприн 2017:320].

Таким образом экспрессивные диминутивы в повести А.И. Куприна «Яма» реализуют следующие формы речевой агрессии: враждебные замечания, обвинения, оскорбления, насмешки, издёвки. Выражая субъективное эмоциональное отношение, диминутивы способны передавать презрение, снисходительность сарказм, иронию, сожаление, которые в той или иной степени способны стать причиной конфликта.

Выводы по второй главе

1. Для художественного диалога, репрезентирующего речевой конфликт, характерны следующие составляющие: предметно-событийный мир художественного произведения как объективные элементы конфликта; причины возникновения конфликта; участники речевого конфликта и их характеристики; наличие языковых средств, обладающих конфликтным потенциалом. В повести А.И. Куприна «Яма» в репрезентации данных составляющих особенную роль исполняют художественные приемы: речевая характеристика персонажей; говорящие фамилии, которые дополнительно раскрывают потаенные смыслы; сравнение персонажей произведения с животными, подчеркивающее, что животное начало вместе с инстинктами преобладают над их разумом; название, которое обладает символическим смыслом и является сюжетобразующей деталью.

2. Повесть А.И. Куприна «Яма» носит ярко выраженную социально-философскую проблематику, что позволило нам классифицировать конфликтные диалоги персонажей с точки зрения

мотивационной составляющей речевого конфликта. В данном произведении представлены следующие типы речевых конфликтов: объективные, организационно-управленческие, социально-психологические, личностные, отчасти намеренные и намеренные. Персонажи данной повести соответствуют классификации типов языковой личности, которая осуществляет вербальную деятельность в условиях конфликтной коммуникации: рационально-эвристический тип личности (проститутка Тамара и репортер Платонов), инвективный тип личности (большинство центральных и второстепенных персонажей, среди которых Женья и Борис Собашиников), куртуазный тип личности (проститутки Манька Маленькая и Люба).

3. Лексические языковые единицы бранной и стилистически-сниженной окраски, обозначающие лиц являются важнейшими репрезентантами конфликтного характера диалогов в повести А.И. Куприна. К ним относятся следующие: наименования лиц по национальной принадлежности (этнофолизмы); наименования лиц по интеллектуальным, эмоциональным, физическим и физиологическим свойствам и качествам, поступкам; сравнения с объектами вещного мира, зоосемантические метафоры и сравнения, антифразис; наименования лиц по социальным свойствам, по профессии, роду занятий.

4. Основными синтаксическими и морфологическими средствами репрезентации конфликтных диалогов в данном произведении являются: оппозиция личных местоимений (*я, вас, ты, нами, нам, мы*), актуализирующих противопоставление «свой – чужой» как основу организационно-управленческого конфликта; инфинитивы, краткие прилагательные, наречия, глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие функцию волеизъявления; глаголы деструктивной семантики; риторические восклицания; междометия и частицы. Персонажи данного произведения также используют приемы контроля речевой агрессии:

убеждение, вежливое выражение протеста, переключение внимания, игнорирование.

5. Экспрессивные диминутивы выступают репрезентантами конфликтного потенциала текстов в конфликтных диалогах. Эмоционально-оценочными компонентами их семантики являются категории «уничижительность», «уменьшительность», «ласкательность с оттенком уменьшительности», «пренебрежение с оттенком уменьшительности». Выражение уменьшительности не является главной особенностью данных диминутивов, в отличие от передачи личного/субъективного отношения говорящего к адресату (или денотату) и установление между ними отношений. Причиной конфликта в той или иной степени способны стать наиболее яркие эмоции, выражающие субъективное эмоциональное отношение говорящего: нежность, презрение, снисходительность сарказм, ирония и сожаление.

6. Экспрессивные диминутивы способны реализовать формы речевой агрессии: враждебные замечания, обвинения, оскорбления, насмешки, издёвки и так далее. К обстоятельствам, при которых реализуется речевая агрессия относятся отсутствие соотнесенности между высказыванием, представлением об адресате и характером общения (фамильярность, намеренное игнорирование участников речевой ситуации, оскорбления) и негативное речевое намерение говорящего (выражение негативных эмоций, желание унижить оппонента).

Заключение

Проведенное исследование языковых особенностей конфликтных диалогов в повести А.И. Куприна «Яма» позволило сделать вывод о том, что в данном произведении отражаются основные составляющие реальных речевых конфликтов, среди которых наибольший интерес в соответствии со спецификой исследования представляют: причины возникновения конфликта и наличие языковых средств, обладающих конфликтным потенциалом.

С точки зрения причин возникновения конфликта в произведении А.И. Куприна представлены следующие типы речевых конфликтов:

– объективные (*«Я не люблю, когда со мной торгуются. Если надо, я сам потребую»* [Куприн 2017: 46]; *«И потом разве вы не умеете разбирать людей? Видите, что к вам пришел человек порядочный, в форме, а не какой-нибудь босьяк. Что за назойливость такая!»* [Куприн 2017: 46]);

– организационно-управленческие (*Простите, господин! Это даже совсем несообразно: ведь уговаривались мы с вами? – Уговаривались, уговаривались!.. На тебе еще полтинник и больше никаких. Что это за нахальство! А я еще заявлю контролеру, что безбилетных возишь. Ты, брат, не думай! Не на такого напал!»* [Куприн 2017: 141–142]);

– социально-психологические (*Пож-жалуйста! С-сколько угодно! – по-актерски процедил Собашников, делая вокруг рта высокомерно-брезгливые складки. – Я сам повторю то же самое. – Вот это – молодчина, за это люблю! – воскликнула радостно и зло Женя, ударив кулаком о стол. – Сразу видно сову по полету, доброго молодца по соплям!»* [Куприн 2017: 92]);

– личностные (*Дура! Не все тебе равно, кто он такой? Влюблена ты в него, что ли? – Ну и влюблена! – Ну и дура. А в этого, с кокардой, в кривого, тоже влюблена?»* [Куприн 2017: 38]);

– отчасти намеренные речевые конфликты (*«Дура, чем копить деньги, на что ты их тратишь?»* [Куприн 2017: 23]);

– намеренный речевые конфликты («Э! Ченуха! Хороший товарищ выпить на чужой счет» [Куприн 2017: 91]).

В повести И.А. Куприна «Яма» отражены различные типы языковых личностей как участников конфликтной коммуникации:

– рационально-эвристический тип личности (проститутка Тамара и репортер Платонов: «Остается сухая профессия, контракт, договор, почти что честная торговлишка, ни хуже, ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли» [Куприн 2017: 77]);

– инвективный тип личности (большинство центральных и второстепенных персонажей, среди которых Женя и Борис Собашников: «Паршивый трехкопеечный писака! Бутербродник!» [Куприн 2017: 91]);

– куртуазный тип личности (проститутки Манька Маленькая и Люба: «Браво, Тамарочка, так их! – закричала Манька, не вставая с полу...» [Куприн 2017: 172]).

Лексические средства репрезентации конфликтного потенциала диалогов классифицируются в следующие тематические группы:

1) наименования лиц по национальной принадлежности (этнофолизмы) (*грузинчик, армяшка, еврейчики*);

2) наименования лиц по интеллектуальным, эмоциональным, физическим и физиологическим свойствам и качествам, поступкам:

– сравнения с объектами вещного мира: (*Ветошка! Половая тряпка!; кровососная банка*);

– зоосемантические метафоры и сравнения (*русская свинья, паук в образе человека, черепаха вы гнусная, каракатица, русская свинья*);

– антифразис (положительно-оценочная лексика, негативно характеризующая предмет речи) (*браво, студентик, молодчина, брат; умницы*);

3) наименования лиц по социальным свойствам, по профессии, роду занятий (*палачи, убийца, воровка, подлая сводница*).

Среди языковых особенностей, репрезентирующих конфликтные диалоги, были выделены морфологические и синтаксические средства:

- оппозиция личных местоимений (*я, вас, ты, нами, нам, мы*);
- инфинитивы, краткие прилагательные, наречия, глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие функцию волеизъявления (*должна собирать, убирайся, живо, пошла вон*);
- глаголы деструктивной семантики (*заражаем, заражают, начнешь захлебываться и хрипеть*);
- риторические восклицания (*Нарочно! Где у вас совесть?! Дура!*);
- междометия и частицы (*нате, ну, у! ну да! ну конечно!*);
- экспрессивные диминутивы, выражающие субъективное эмоциональное отношение, а также формы речевой агрессии – враждебные замечания, обвинения, оскорбления, насмешки, издёвки.

Обобщая результаты проведенного исследования, можем сделать следующие выводы:

1. Среди всех видов речевых конфликтов, представленных в повести А.И. Куприна «Яма», наиболее частотным является социально-психологический, поскольку общественные нравственные и социально-философские проблемы автор считает особенно важными.

2. Основными средствами репрезентации речевых конфликтов является дискредитация в глазах общественности и инвектива посредством использования метафорических определений и сравнений оппонента с объектами вещного мира, зоосемантических метафор, лексических языковых единиц бранной и стилистически-сниженной окраски, обозначающих лиц.

3. Интенсивность вербальной агрессии находится в корреляционной зависимости от особенностей типа языковой личности, которую представляют персонажи повести – участники конфликтной коммуникации.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акиль Я. Х. Категория диминутивности в русском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iasj.net/iasj?aId=47333&func=fulltext> (дата обращения 20.04.2020).
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2008. 50 с.
4. Белоус Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. №4. С. 96–107.
5. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–122.
6. Богомолова М. Н. Коммуникационный конфликт как явление действительности // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/09/16736> (дата обращения: 20.04.2020).
7. Вепрева И. Т., Купина Н. А., Михайлова О. А. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 97–108.
8. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2006. 250 с.
9. Воротников Ю. Л. Милое и малое // Русский язык в школе. 1988. №6. С. 62–66.
10. Выготский Л. С. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1982. 368 с.

11. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. // Сборник статей по языкознанию, посвященный В.В. Виноградову в день его 60-летия. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 103–124.
12. Гейгер Р. М. К вопросу о лексикализации деминутивов // Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 3–14.
13. Глебов В. В., Родионова О. М. Особенности речевой агрессии [Электронный ресурс]. URL: www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html (дата обращения 20.04.2020).
14. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
15. Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология, или лингвистическая конфликтология // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2014. С. 279–280. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (дата обращения 20.04.2020).
16. Дементьев А. А. Существительные со сложными суффиксами субъективной оценки // Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967. С. 205–212.
17. Дмитриев А. В., Кудрявцев В. П., Кудрявцев С. В. Юридическая конфликтология. Ч. 1. Введение в общую теорию конфликтов. М.: Ин-т государства и права, 1993. 316 с.
18. Добрович А. Б. Ролевая модель межличностного общения // Принципиальные вопросы теории знания: Труды по искусственному интеллекту: УЗТГУ. Тарту, 1984. Вып.688. С. 70–84.

19. Завьялова О. Н. Речевая агрессия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Наука, 2003. 840 с.

20. Зализняк А. А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Meanings, texts and other exciting things : Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука, 2012 г. М. : Языки славянской культуры, 2012. С.650–664.

21. Здравомыслов А. Г. Четыре точки зрения на причины социального конфликта // Хрестоматия по конфликтологии [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Konflikt/index.php (дата обращения 20.04.2020).

22. Зинин Е. О. Русские диминутивы в общевариологическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент: Изд-во Ташкентского ун-та, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://uz.denemetr.com/docs/768/index-232177-%201.html> (дата обращения 20.04.2020).

24. Ильенко С. Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии: Сборник статей. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1996. С.57–75.

25. Исмурзинова А. А. Конфликтная коммуникация как объект исследования психолингвистики // Publishing house Education and Science s.r.o.: архив научных публикаций. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2016/Philologia/7_207726.doc.htm (дата обращения 20.04.2020).

26. Казарцева О. М. Культура речевого общения: теория и практика обучения. М.: Флинта, 1998. 496 с.

27. Ковальчук А. Н. Актуальность использования специализированных лингвистических корпусов для решения практических вопросов юрлингвистики // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. мат-лов I (IV) Междунар. конф. молодых учёных (3–5

апреля 2014 г.). Вып. 15. В 2-х т. Т. 1: Лингвистика. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. С. 127–131.

28. Ковешникова М. Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования // XVIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. (22–23 апр. 2014 г.): в 3-х т. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 2014. Т. 1. С. 387–394.

29. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. яз. О. Назаровой; Под. общ. ред. Л.Г. Ионина. М. : Идея-пресс, 2000. 205 с.

30. Крамкова О. В. Функционирование деминутивов в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2001. 235 с.

31. Крысин Л. П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры. 2003. 568 с.

32. Кузнецова А. А. Коммуникативный конфликт // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2014. С. 230–231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (дата обращения 20.04.2020).

33. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. 160 с.

34. Куприн А. И. Яма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 384 с.

35. Литунов С. Н. Речевое воздействие и языковое манипулирование в рекламе. [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebilka.ru/informatika/1871/index.html> (дата обращения 20.04.2020).

36. Лоренц К. Агрессия: так называемое зло. М.: Прогресс, 1994. С. 5–10.

37. Мегентесов С. А., Мохамад И. Лингвистические аспекты психического воздействия и приёмов манипуляции. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. 111 с.
38. Михайлова О. А. Толерантность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2014. С. 689–690. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (дата доступа 20.04.2020).
39. Муравьева Н. В. Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002. 264 с.
40. Норакидзе В. Г. Методы исследования характера личности. Тбилиси: Мецниереба, 1975. 243 с.
41. Осипова Л. И. О некоторых разновидностях лексикализации слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами // Русский язык в школе. 1968. № 5. С.108–112.
42. Панова Г. И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Ком-книга, 2010. 444 с.
43. Плямоватая С. С. О грамматической природе и классификации имен существительных с уменьшительно-экспрессивными суффиксами в современном русском языке // Русский язык в школе. 1955. № 6. С. 4–11.
44. Поляков Е. М. Конфликт, агрессия и насилие: концептуальная взаимосвязь // Вестник Ом. ун-та. 2013. №3. С. 199–201.
45. Порядина Р. Н. Оценочный синкретизм деминутивного суффикса (фрагмент языковой картины мира среднеобского говора) // Культура отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 156–232.
46. Протасова Е. Ю. Роль диминутивов в современном русском языке // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия V / С. Евстратова, Е. Костанди, Ю. Кудрявцев, И. Кюльмоя [и др.]. Тарту: Изд-во Тартуского госуниверситета, 2001. 199 с.

47. Резанова З. И. Именная деминутивная деривация в моделях выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте; под ред. З. И. Резановой, И. В. Тубаловой, Ю. А. Эме. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 353 с.
48. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.
49. Родимкина А. М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: дисс. ... доктора филол. наук. Л.: Ленингр. госпед. институт им. А.И. Герцена, 1980. 165 с.
50. Русская грамматика в 2 томах. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова [и др.]; под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 789 с.
51. Свободова Й. Деривационные и стилистические особенности русских деминутивов (на материале автобиографической трилогии М. Горького): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: Изд-во Волгоград. ордена «Знак Почета» государств. педагогический институт им. А.С. Серафимовича, 1992. 22 с.
52. Санников В. З. Об оценочных суффиксах русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 77, 2018. № 5. С.5–21.
53. Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов. 1996. Вып. 26. С. 25–36.
54. Сергеев С. С. Аналитика конфликтного текста // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. Т.15. Социальная стратификация. Социология конфликта. Гендерная социология. М.: Альфа-М, 2006. С. 105–107.

55. Сердобинцев Н. Я. Семантическая структура слова и его коннотация // Теория слова и функционирования словесных единиц: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, СГПИ им. К. А. Федина, 1981. С. 5–25

56. Серио П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / [Составитель П. Серио]; предисловие Ю.С. Степанова; общая редакция, вступительная статья и комментарий П. Серио под ред. П. Серио. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 413 с.

57. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дисс. ... доктора филол. наук. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. пед. ун-та, 2004. 323 с.

58. Сомова Л. А. Изучение текста / дискурса студентами-филологами в аспекте речевой конфликтности // Сборник материалов V Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты», 12–15 апреля 2015 г. Тольятти: ТГУ, 2015. 395 с.

59. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Высшая школа, 1991. С. 36–67.

60. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 127–140.

61. Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1> (дата обращения 20.04.2020).

62. Ульман О. А. «Конфликтный», «конфликтогенный» и «спорный» текст: к проблеме дефиниции и соотнесённости понятий // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. №15. С. 82–85.

63. Усачёва О. Ю. К определению понятия «жанр Интернета» и построению модели жанра в среде Интернет // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 51–57.

64. Фуфаева И. В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 257–266.

65. Фуфаева И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными: на материале русского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 2018. 28 с.

66. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // РЯШ. 1976. № 3. С.21–24.

67. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 136 с.

68. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка // Вступ, статья Е. В. Клобуков; ред. и комментарии Е. С. Истрина. 6-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2019. 624 с.

69. Шейдаева С. Г. История грамматического развития существительных субъективной оценки: дисс.... канд. филол. наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/istoriyagrammaticeskogo-razvitiya-sushchestvitelnykh-subektivnoiotsenki#ixzz4Y0bwhm5Z> (дата обращения 20.04.2020).

70. Шейдаева С. Г. Категория субъективной оценки в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 1998. 42 с.

71. Шемборская Н. В. Суффиксальное образование имен существительных эмоционально-оценочного характера в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1954. 17 с.

72. Шибутани Г. Социальная психология. М.: Прогресс., 1969. 534 с.

73. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.: Науч. ред. Я.Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. 325 с.
74. Щенникова Е. В. Несколько слов об оскорбительных словах // Сборник: Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (М., филол. ф-т МГУ, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / Под ред. О.В. Кукушкина, М.Л. Ремнёва. Т. 1. М. : Изд-во Московского университета, 2019. С. 335–336.
75. Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления: Учебное пособие. М. : Флинта, 2004. 221 с.
76. Щербаков А. В. Речевая агрессия // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2014. С. 525–526. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (дата доступа 20.04.2020)..
77. Язык и конфликт / Сост. Т. С. Вершинина, М. О. Гузикова, О. Л. Кочева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. 77 с.
78. Haas M. R. The expression of the diminutive // Studies in linguistics in honor of G.L. Trager / ed. by M.E. Smith, Janua linguarum. The Hague: Mouton, 1972. P. 148–152.
79. Jurafsky D. Universals in the Semantics of the Diminutive // Proceedings of the Nineteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on Semantic Typology and Semantic Universals. Berkeley, 1993. P. 423–436.
80. Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive // Language. 1996. V.72. N3. P. 533–578.
81. Ullmann, R. «Size-Sound symbolism» in Greenberg // Universals of Human Language. 1978. Vol.2. Phonology. Stanford: Stanford University Press. P. 525–568.

82. Volek B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 1987. 270 p.